

Девушка из его прошлого

Автор:

[Трейси Гарвис-Грейвс](#)

Девушка из его прошлого

Трейси Гарвис-Грейвс

Novel. Тренд на любовь

Для поклонников Джоджо Мойес, Джилл Сантополо и Гейл Ханимен.

Новинка от Трейси Гарвис-Грейвс, автора бестселлеров New York Times.

История любви, которой не страшны годы разлуки.

Десять лет назад Анника и Джордан нежно любили друг друга, но после учебы он перебрался в Нью-Йорк, а она осталась в Чикаго. Судьба – удивительная штука, и спустя годы Анника случайно встречает Джордана в супермаркете.

Он пережил развод и готовится к новой жизни. Анника работает в библиотеке и руководит детским театральным кружком. Ей некомфортно в обществе людей. «Тревожное расстройство», как сказали бы психологи. Лучше остаться дома и читать книги.

Девушка, которую он раньше знал, стала женщиной, которую нельзя потерять дважды. Ведь настоящей любви не страшны годы разлуки, потому что настоящая любовь – вне времени.

«Трейси Гарвис-Грейвс – обязательный к прочтению автор. У нее мудрый, нежный и отрезвляющий голос».

Тейлор Дженкинс Рейд, автор бестселлеров New York Times

«Последние тридцать страниц прибили меня к самому краю стула. Эта книга прекрасна».

Колин Гувер, автор бестселлеров New York Times

«Совершенно оригинальные персонажи, за которых вы не можете не болеть. "Девушка из его прошлого" не похожа ни на одну из книг, которые я читала».

Камилла Пэган, автор бестселлеров Washington Post

«Восхитительный роман, будто созданный для идеальных каникул».

Евгения Смурьгина, The City

Трейси Гарвис-Грейвс

Девушка из его прошлого

Tracey Garvis Graves

The Girl He Used to Know

© 2019 by Tracey Garvis Graves

© Комаринец А., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. Издательство Эксмо», 2021

* * *

Всем, кто когда-либо чувствовал себя чужим в этом мире, посвящается.

И Лорен Патрисии Грейвс, ты – свет моей жизни.

1. Анника

Чикаго

Август 2001 года

Я сталкиваюсь с ним в супермаркете «У Доминика». Как раз открывая холодильник в поисках клубники, которую всегда добавляю в утренний смузи. Я слышу мужской голос справа от меня:

– Анника?

Звучит он неуверенно.

Краем глаза замечаю лицо. Прошло десять лет с тех пор, как мы виделись в последний раз, и, хотя я с трудом запоминаю лица людей, мне нет нужды спрашивать, кто это. Я знаю. Это он. Мое тело вибрирует, как от низкого рокота далекого поезда, и я рада, что из морозильника веет холодом, ведь воздух вокруг мгновенно раскалился. Я хочу убежать. Забыть о клубнике и найти ближайший выход на улицу. Но слова Тины эхом отдаются у меня в голове, и я повторяю их как мантру: «Не убегай, возьми на себя ответственность, будь

собой».

Я делаю судорожный вдох и поворачиваюсь к нему.

- Привет, Джонатан.

- Это ты, - говорит он.

Я улыбаюсь.

- Да.

Мои волосы, которые раньше были до талии и ежеминутно нуждались в расческе, теперь стали блестящими и прямыми и заканчивались на несколько дюймов ниже плеч. Приталенная рубашка и облегающие брюки сильно отличаются от моего университетского гардероба из юбок и платьев на два размера больше положенного. Наверное, это немного сбilo его с толку.

К своим тридцати двум Джонатан мало изменился: темные волосы, голубые глаза, широкие плечи пловца. Он не улыбается, но и не хмурит брови. Хотя я значительно поднаторела в умении читать другие невербальные сигналы, я не могу сказать, скрывает ли Джонатан какую-либо обиду или еще какие оскорбленные чувства. Он имеет полное право испытывать и то и другое.

Мы делаем шаг вперед и обнимаемся, потому что даже я знаю, что, учитывая, сколько прошло времени и сколько мы пережили, нам положено обняться. Когда Джонатан обнимает меня, я чувствую себя в безопасности. Это ощущение совсем не изменилось. Запах хлорки, который обычно оседал на его коже после бассейна, сменился чем-то древесным и, к счастью, не слишком тяжелым или приторным.

Я понятия не имею, что он делает в Чикаго. Престижная нью-йоркская финансовая фирма выдернула Джонатана из Иллинойса, не успели еще просохнуть чернила на его дипломе. Переезд планировался для обоих, но осуществлял задуманное Джонатан уже в одиночку.

Когда мы разжимаем руки, я с трудом подбираю слова.

- Я думала, ты живешь в... Ты здесь по делу?

- Перевелся в чикагский офис пять лет назад, - отвечает он.

Меня поражает, что все это время, ходя по улицам города, который теперь называю домом, я даже не подозревала, что могу столкнуться с Джонатаном. Сколько раз мы были в радиусе одной мили друг от друга и не знали этого? Сколько раз мы оказывались в одной толпе на оживленном тротуаре или обедали в одном и том же ресторане?

- Нужно было присматривать за мамой, - продолжает он.

Я как-то встречалась с его матерью, и она мне нравилась почти так же сильно, как и моя собственная. Нетрудно было понять, откуда у Джонатана его доброта.

- Пожалуйста, передай ей привет от меня.

- Она умерла пару лет назад. Деменция. Врачи сказали, что она, вероятно, страдала ею много лет.

- Она назвала меня Кэтрин и не смогла найти ключи, - вспоминаю я, потому что у меня отличная память и теперь все встает на свои места.

Джонатан подтверждает мои слова коротким кивком.

- Работаешь в центре? - спрашивает он.

Я закрываю дверцу холодильника, смущенная тем, что все это время держала ее открытой.

- Да, в библиотеке Гарольда Вашингтона.

Мой ответ вызывает улыбку на его лице.

- Тебе подходит.

Разговор обрывается, повисает неловкая пауза. Раньше Джонатан всегда брал на себя большую часть беседы, но теперь нет. Эта тишина оглушает.

– Здорово было тебя повидать! – наконец выпаливаю я. Мой голос звучит выше, чем обычно. Меня снова бросает в жар, и я жалею, что не оставила дверь холодильника открытой.

– И я тоже рад.

Когда он поворачивается, чтобы уйти, меня пронзает такая тоска, что колени едва не подкашиваются. Я собираю все свое мужество и окликаю:

– Джонатан?

Его брови слегка приподнимаются, когда он оборачивается.

– Да?

– Не хочешь как-нибудь встретиться?

В голове проносятся воспоминания, и я говорю себе, что несправедливо так с ним поступать и что я уже достаточно натворила.

Он колеблется, но потом говорит:

– Конечно, Анника.

Джонатан достает из внутреннего кармана пиджака ручку, забирает из моей руки список покупок и корябает на обороте свой номер телефона.

– Я тебе позвоню, – обещаю я. – Скоро.

Он кивает, его лицо снова ничего не выражает. Джонатан, наверное, думает, что я не решусь. И он вправе так думать.

Но я позвоню. Я извинюсь. Спрошу его, можем ли мы начать все сначала. «С чистого листа», – скажу я.

Вот как сильно я хочу, чтобы воспоминания о девушке из его прошлого заменила женщина, которой я стала.

2. Анника

Чикаго

Август 2001 года

На первом сеансе терапии у Тины моим глазам потребовалось почти пять минут, чтобы привыкнуть к слабо освещенной комнате. Когда я наконец смогла ясно разглядеть пространство вокруг, то поняла, что это было сделано намеренно и что все находящееся в комнате помещено сюда, чтобы успокаивать. У торшера в углу (единственного источника света) был кремовый абажур, и на стену ложились мягкие тени. Коричневая кожа диванов и кресла казалась маслянисто-мягкой на ощупь, а толстый ковер вызывал желание скинуть туфли и утонуть пальцами ног в пушистом ворсе.

– Я столкнулась с Джонатаном, – говорю я Тине, когда прихожу на свою еженедельную встречу.

Говорю это прежде, чем она закрывает дверь. Тина садится в кресло, а я опускаюсь на мягкую кушетку напротив. Исходящие от нее флюиды окутывают меня, умеряя тревогу, которую я всегда испытываю от того, что пришла к специалисту.

– Когда же?

– В прошлый вторник. По дороге домой я зашла в «Доминик», и он был там.

Мы провели много часов, обсуждая Джонатана, и ей, конечно, должно быть любопытно, но мне ни за что не догадаться, о чем думает Тина, только по выражению ее лица.

- Как все прошло?

- Я вспомнила, что ты сказала мне сделать, если когда-нибудь увижу его снова. - Я просияла, садясь прямее, пусть диван и искушал растянуться на нем в полный рост. - У нас был разговор. Короткий, но приятный.

- Было время, когда ты бы этого не сделала, - хвалит меня Тина.

- Было время, когда я бы убежала через заднюю дверь, а после на два дня слегла в постель.

Да, я действительно чувствовала себя измотанной, когда наконец добралась домой с продуктами. А потом, раскладывая их по полкам, меня настигло горе, которое я испытывала из-за смерти матери Джонатана. Я долго плакала от осознания, что у него теперь вообще нет родителей. А еще я не успела сказать ему, что мне жаль, хотя произнесла эти слова у себя в голове. Несмотря на усталость, мне потребовалось немало времени, чтобы заснуть в ту ночь.

- Я думала, он в Нью-Йорке?

- Так и было. Он перевелся сюда, чтобы заботиться о маме, пока она не умерла. Это все, что я знаю.

Появление Джонатана было настолько неожиданным, настолько случайным, что я не смогла сформулировать даже несколько вопросов. Мне с опозданием пришло в голову, что я понятия не имею, женат ли он. Посмотреть на безымянный палец мужчины - ловкий ход, и он всегда приходит мне в голову слишком поздно, а в случае с Джонатаном - через целых два дня после встречи.

- Как ты думаешь, о чем подумал Джонатан, когда увидел тебя в магазине?

Тина знает, как трудно мне понять, о чем думают другие люди, поэтому ее вопрос меня не удивляет. За десять лет, что мы с Джонатаном не виделись, я

снова и снова прокручивала в голове последние недели наших отношений и его прощальное сообщение, которое он оставил на моем автоответчике.

Тина помогла мне взглянуть на эти события глазами Джонатана, и от того, что я осознала, мне стало стыдно.

– Он не выглядел обиженным или рассерженным, – говорю я, хотя на самом деле это не было ответом на вопрос.

Тина знает все, что нужно знать об этой ситуации, и она, вероятно, могла бы сама рассказать мне, о чем думал Джонатан. Она просто хочет услышать мое мнение. На наших сеансах мне больше всего нравится, что я сама определяю, хочу я продолжить обсуждение или нет, поэтому Тина не будет настаивать. Во всяком случае, слишком сильно.

– А как он выглядел?

– Нормально, мне кажется. Джонатан улыбнулся, когда я рассказала ему о библиотеке. Он собрался уходить, но я спросила, можем ли мы сходить куда-нибудь, и он дал мне свой номер.

– У тебя немалый прогресс, Анника. Ты должна гордиться собой.

– Он, наверное, думает, что я не позвоню.

– А ты позвонишь?

Хотя я с тревогой представляю себе путь, который мне предстоит пройти, твердо отвечаю:

– Да.

Я всматриваюсь в лицо Тины, и, хотя я не могу быть уверена наверняка, думаю, она мной довольна.

3. Анника

Иллинойсский университет в Урбане-Шампейне

1991

В колледже, если кто-то хотел найти меня, искать стоило только в трех местах: в ветеринарной клинике для диких животных, в библиотеке или в помещении студенческого союза, где проходили встречи шахматного клуба.

Учитывая, сколько времени я проводила, работая волонтером в клинике, можно подумать, что я стремилась к карьере ветеринара. Животные входили в маленький список того, что приносит мне чрезвычайное счастье. Особенно те, что нуждались в моем внимании и заботе. Другие волонтеры могли бы предположить, что животные спасают меня от одиночества и изоляции, которые окружали меня в годы учебы в колледже, но мало кто поймет, что я просто предпочитаю общество животных обществу людей. Их трогательные взгляды, когда они проникались ко мне доверием, поддерживали меня больше, чем любое общение с людьми.

Если и было что-то, что я любила почти так же сильно, как животных, так это книги. Чтение переносило меня в экзотические места, в увлекательные исторические периоды и миры, которые сильно отличались от моего собственного. Однажды, декабрьским снежным днем, когда мне было восемь лет, моя обезумевшая от беспокойства мать нашла меня в домике на дереве, где я с упоением читала мою любимую книгу Лоры Инголс Уайлдер, ту, в которой папа попал в снежную бурю и ел леденцы, которые вез домой на Рождество для Лоры и Мэри. Мама искала меня уже полчаса и так долго звала по имени, что сорвала голос. Она, казалось, не могла понять, что я просто играю роль Лауры, которая ждала в хижине, хотя я неоднократно объясняла ей. Сидеть в холодном домике на дереве показалось мне вполне разумным. Когда я обнаружила, что могу сделать карьеру, которая позволит мне проводить дни в библиотеке, в окружении книг, то испытала глубочайшую радость.

До тех пор пока (мне тогда исполнилось семь) отец не научил меня играть в шахматы, я ничего не умела делать хорошо. Я не преуспевала в спорте, в школе

получала то пятерки, то двойки – в зависимости от предмета и того, насколько он меня интересовал. Мучительная застенчивость мешала мне участвовать в школьных спектаклях или других внеклассных мероприятиях. Но шахматы, как и книги, заполняли пустоту в моей жизни. Хотя мне потребовалось много времени, чтобы это понять, я знаю, что мой мозг работает не так, как у других людей. Я мыслю категориями черного и белого. Но не абстрактного, а конкретного. Игра в шахматы с ее стратегиями и правилами соответствовала моему мышлению. Животные и книги поддерживали меня, но шахматы давали возможность быть частью чего-то большего.

Когда я играла, то почти вписывалась в мир нормальных людей.

Шахматный клуб «Иллийни» собирался в помещении фуд-корта студенческого союза по воскресеньям с 6:00 до 8:00 вечера. В начале семестра, когда участники еще не увязли по уши в домашних заданиях и не были заняты подготовкой к экзаменам, приходило под тридцать человек. К тому времени, когда приближался конец семестра, наши ряды редели и набиралось в лучшем случае человек десять. Воскресные заседания шахматного клуба были неформальными и состояли в основном из дружеских партий и общения. Встречи шахматной команды – для членов, которые хотели участвовать в турнирах, – проводились по вечерам в среду и были посвящены тренировочным матчам, решению шахматных головоломок и анализу известных шахматных партий. Хотя я обладала необходимыми навыками и предпочла бы более формальную структуру встреч шахматной команды, у меня не было никакого желания соревноваться.

Джонатан начал посещать воскресные занятия, когда я училась на последнем курсе. В то время как остальные члены клуба болтали друг с другом, я ежилась на своем месте, готовясь к игре. Едва сев, я сразу скинула туфли и прижала ступни босых ног к прохладному гладкому полу. Это было чертовски приятно, хотя я никому и никогда не смогла бы объяснить почему. Я смотрела, как Джонатан приветствует Эрика, президента нашего клуба, который улыбнулся и пожал ему руку. Через несколько минут Эрик призвал собравшихся обратить на него внимание, повысив голос, чтобы перекричать всех:

– Всем здравствуйте. Новые члены клуба, пожалуйста, представьтесь. После идем есть пиццу в «Уно» со всеми желающими.

Потом Эрик повернулся к Джонатану и указал на меня. Это наполнило меня ужасом, и я застыла.

Я почти всегда играла с Эриком по двум причинам. Во-первых, мы вступили в шахматный клуб в один и тот же день, когда учились на первом курсе, и поскольку мы оба были новенькими, показалось разумным первую партию сыграть друг с другом. Во-вторых, никто больше не хотел со мной играть. Если мы с Эриком быстро заканчивали игру, он уходил играть с кем-нибудь другим, а я шла домой. Мне нравилось играть с ним. Эрик был добр, но это никогда не мешало ему играть в полную силу. Если я его побеждала, то знала, что заслужила победу, потому что он не щадил меня. Но теперь, когда Эрик был избран президентом и часть вечера проводил, отвечая на вопросы или выполняя другие административные функции, у него не всегда находилась возможность играть со мной.

У меня свело желудок, когда Джонатан подошел ко мне, и я старалась успокоиться, щелкая пальцами под столом, как будто пыталась стряхнуть с кончиков что-то неприятное. Когда я была маленькая, то в таких ситуациях раскачивалась и напевала, но, став старше, научилась другим, более скрытным способам успокоиться. Когда Джонатан сел напротив, я кивнула в знак приветствия.

– Эрик подумал, что сегодня мы могли бы стать партнерами. Я Джонатан Хоффман.

У него были квадратный подбородок и ярко-голубые глаза. Короткие темные волосы выглядели блестящими, и я задалась вопросом, будут ли они мягкими и шелковистыми на ощупь. От Джонатана слегка пахло хлоркой, и хотя я ненавидела большинство запахов, этот почему-то меня не беспокоил.

– Анника Роуз, – сказала я едва слышным шепотом.

– Моника?

Я отрицательно покачала головой.

– Без «м».

Неразбериха вокруг моего имени сопровождала меня всю жизнь. В седьмом классе одна особо мерзкая девчонка по имени Мария толкнула меня головой в шкафчик. «Дурацкое имя для дуры», – прошипела она, а я в слезах убежала в кабинет медсестры.

– Анника, – произнес Джонатан, словно пробуя его на вкус. – Круто. Давай играть.

Мы с Эриком играли белыми поочередно и тем самым по очереди пользовались небольшим преимуществом, которое они давали, и если бы мы играли вместе в тот вечер, то была бы его очередь. Поэтому теперь, когда я неожиданно оказалась в паре с Джонатаном, фигуры перед ним были белыми, и первый ход сделал он.

Судя по его гамбиту, он был поклонником чемпиона мира Анатолия Карпова. Как только я определила его стратегию, то выбрала соответствующую защиту и погрузилась в игру. Звуки и запахи фуд-корта исчезли вместе с моей нервозностью. Я больше не слышала обрывков разговоров студентов, пока они ели свои гамбургеры и картошку фри, или шипения свежеприготовленного риса с курицей. Не чувствовала запаха горячей пиццы с пепперони из духовки. Я с самого начала играла безжалостно, потому что всю жизнь каждую партию играла ради победы, но при этом не торопилась и сосредоточенно обдумывала каждый следующий ход. Мы оба за всю партию не произнесли ни слова.

Игра в шахматы в основном бесшумна, но для меня в отсутствии звука есть особая прелесть.

– Шах и мат, – сказала я.

Повисла долгая пауза, а затем он сказал:

– Хорошая партия. – Джонатан огляделся, но из членов клуба осталось только несколько человек. Все остальные ушли ужинать, а мы все еще играли.

– Ты тоже неплох, – ответила я, потому что победа была одержана с таким же трудом, как и любая другая, которую я одерживала над Эриком.

– Идешь на пиццу с пивом?

Я встала, схватила рюкзак и выдавила из себя:

– Нет. Я иду домой.

Когда я открыла дверь квартиры в кампусе, в которой мы с Дженис жили последние два года, меня встретила стойкая смесь ароматов сандалового дерева, ладана и лизола. Благовония должны были заглушить легкий запах марихуаны, который всегда исходил от одежды бойфренда Дженис. Она ни за что не позволила бы Джо накуриться в нашей квартире, впрочем, сама она не могла бы определить, чем от него пахнет. Но у меня было очень чувствительное обоняние, и я поняла, что это за запах, как только она нас познакомила. Дженис знала, что я просто не в силах справиться с воспоминаниями, которые вызывали эти запахи.

Лизол должен был нейтрализовать последствия того, что Джен готовила для Джо. Она любила экспериментировать с рецептами и часами колдовала на кухне. Джен тяготела к гурманским блюдам, в то время как у меня были скорее пищевые пристрастия шестилетнего ребенка. Я не раз замечала, как Джо удивленно пялится на жареный сыр или куриные наггетсы на моей тарелке, пока Дженис тушила на плите что-то мудреное. Я ценила ее готовность свести запахи в нашей квартире к минимуму, но у меня не хватало духу сказать ей, что лизол и благовония делали только хуже. А поскольку жить со мной было не так-то просто, я бы никогда не стала возмущаться по поводу запахов.

– Как прошла встреча клуба? – спросила Дженис, когда я вошла, бросила рюкзак на пол и плюхнулась на диван.

Мне потребуется еще несколько часов, чтобы полностью расслабиться, но пребывание дома позволило немного успокоиться, и мое дыхание стало более глубоким.

– Ужасно. Там был новенький, и мне пришлось играть с ним.

– Хорош собой?

– Я очень устала.

Джен села рядом.

– Как его зовут?

– Джонатан. – Я сбросила туфли. – Я так зла на Эрика. Он же знает, что мы всегда играем вместе.

– Кто победил?

– Что? О! Я.

Дженис рассмеялась.

– И как все прошло?

– Как обычно.

– Хочешь, поджарю тебе сыр? Я уже приготовила порцию для Джо. У меня в холодильнике лежит курица, замаринованная для цыпленка по-флорентийски, но он захотел сыр. И ты еще говоришь, что у вас с ним нет ничего общего.

– Он не воспринял меня всерьез.

Джонатан совершил ошибку, которую часто совершали люди до него: он пренебрег моими способностями, будучи слишком уверен в своих собственных. Скоро я узнаю, что это будет первый и последний раз, когда он допустил такую ошибку со мной.

– В следующее воскресенье ты снова будешь играть с Эриком.

– Я слишком устала, чтобы есть.

«Понятия не имею, как вы друг с другом разговариваете, что вообще говорите», – сказал как-то Джо, когда впервые стал свидетелем одного из наших

разговоров.

Честно говоря, это было не только потому, что (как я подозревала) он был в тот момент под кайфом. У Дженис было три года, чтобы научиться говорить со мной. Надо отдать ей должное, она овладела языком общения со мной, как опытный лингвист.

Не в силах поддерживать дальнейший разговор, я побрела по коридору в свою комнату, упала ничком на кровать и проспала, не раздеваясь, до следующего утра.

4. Джонатан

Чикаго

Август 2001 года

Я иду по улице, чтобы встретиться с Нейтом, ведь мы собирались выпить после работы, но вдруг у меня звонит телефон. На дисплее высвечивается неизвестный номер. Я весь день торчал на совещаниях, и единственное, что меня сейчас интересует, – это холодное пиво. Август в Чикаго бывает душным, и моя рубашка прилипает к спине под пиджаком. Когда я слышу сигнал нового голосового сообщения, то решаю посмотреть, кто это, чтобы потом выбросить из головы и спокойно насладиться своим пивом.

Услышав голос Анники, я застываю как вкопанный. Вероятность, что она действительно позвонит, была такой же мизерной, как наши шансы помириться с моей бывшей женой. Отступив к стене, чтобы меня не толкали, я зажимаю одно ухо, чтобы лучше слышать, и прогоняю сообщение с самого начала.

Привет. Я подумала, может быть, ты захочешь встретиться, позавтракать в субботу или в воскресенье в «Бриджпорт Кофе». В любое время, когда тебе удобно. Ладно, пока.

Я слышу дрожь в ее голосе. Есть еще одно сообщение.

Привет. Это Анника. Наверное, надо было представиться в первом сообщении.

Голос все еще дрожит, а вдобавок – смущенный вздох. Есть и третье.

Прости меня за все эти сообщения. Я только что поняла, что не оставила тебе свой номер телефона.

Она нервозно тараторит свой номер, а ведь в этом нет необходимости, так как я мог вытащить его из списка входящих.

Так что просто позвони мне, если захочешь встретиться и выпить кофе. Ладно, пока.

Я представляю себе, как она измученно падает в кресло после этих сообщений, я ведь знаю, как это для нее трудно.

Тот факт, что Анника все-таки это сделала, о многом говорит.

В темном баре слабо пахнет сигаретным дымом и мужским одеколоном. Это заведение из тех, куда ходят только одинокие мужчины, чтобы расслабиться, прежде чем отправиться домой в плохо обставленную квартиру, никогда не знавшую женской руки. Я ненавижу такие места, но Нейт все еще находится в фазе ежедневного пьянства после развода, и я слишком хорошо помню, каково это. Когда я вхожу в бар, он сидит за стойкой и по чуть-чуть сдирает этикетку с бутылки пива.

– Привет, – говорю я, садясь рядом с ним, ослабляю галстук и жестом прошу бармена принести мне то же самое.

Нейт указывает на окно бутылкой.

– Я тебя видел. Лучше отключи телефон, если хочешь спокойно насладиться пивом.

Мы с Нейтом работаем в разных фирмах, но лозунг у обеих компаний один и тот же: «Уйма работы и никакого веселья приносят нашей компании кучу денег».

– Это не по работе. Голосовое сообщение от старой подруги, с которой я столкнулся на днях. Она сказала, что позвонит. Я сомневался.

– Сколько времени прошло?

– Мне было двадцать два, когда я видел ее в последний раз. А если бы я знал, что... есть вероятность, что я еще десять лет ее не увижу, наверно, повел бы себя иначе.

– И как она выглядит?

Бармен ставит передо мной пиво, и я делаю большой глоток.

– Годы были очень добры к ней, – замечаю я, ставя бутылку обратно на стойку.

– Так это было серьезно или просто интрижка?

– Для меня – серьезно.

Я пытаюсь убедить себя, что и для Анники тоже все было серьезно, но иногда задумываюсь: а не лгу ли я себе.

– Думаешь, она хочет все вернуть?

– Я понятия не имею, чего она хочет.

Отчасти это так. Я даже не знаю, свободна ли Анника. Сомневаюсь, что она замужем, потому что на пальце не было кольца, но это не значит, что у нее нет отношений.

– Все еще по ней сохнешь?

Время от времени, особенно сразу после нашего с Лиз расставания, когда я лежал в постели один и не мог заснуть, я думал об Аннике.

– Это было очень давно.

– Я знаю парня, который так и не смог забыть девушку, бросившую его в восьмом классе.

– Возможно, это не единственная его проблема.

Хотя действительно прошло очень много времени, иногда мне кажется, что это было вчера. Я с трудом помню имена девушек, которые были до нее, а после нее была только Лиз. Но я могу с невероятной ясностью вспомнить почти все, что произошло за то время, что я провел с Анникой.

Наверное, потому, что никто никогда не любил меня так сильно и беззаветно, как она.

Я смотрю на Нейта.

– Ты когда-нибудь влюблялся в девушку, которая была иной? Не просто отличалась от любой девушки, с которыми ты встречался раньше, а от большинства людей вообще?

Нейт делает знак бармену принести еще пива.

– Маршировала под бой другого барабана, да?

– В такт вообще другому оркестру. Тому, о котором ты никогда не слышал и уж никак не ожидал, что он тебе понравится.

Когда Анника раздражала меня или расстраивала, а это случалось довольно часто, я говорил себе, что есть много других девушек, с которыми не так трудно. Но через двадцать четыре часа я уже стучал в ее дверь. Я скучал по ее лицу, по улыбке, по всему, что делало ее иной.

– Она, должно быть, была горячей штучкой, потому что такие вещи никогда не срываются, если девушка просто средненькая.

Когда самолет Джона Кеннеди-младшего рухнул в Атлантику за несколько месяцев до того, как Лиз сдалась и вернулась в Нью-Йорк без меня, его фотография (вместе с фотографиями жены и невестки) несколько дней то и дело мелькала в телевизоре. Поскольку я не интересовался новостями о знаменитостях, то до тех пор не понимал, насколько Анника похожа на Кэролин Бессетт Кеннеди. У них было схожее строение лица, голубые глаза и такие светлые волосы, что они казались почти белыми. Обе обладали поразительной красотой, которая бросалась в глаза даже в толпе. Когда я столкнулся с Анникой в супермаркете, сходство было еще более заметным. Волосы у нее теперь подстрижены короче, чем были в колледже, и теперь они лежат гладко и ровно, но она все еще пользуется губной помадой того же оттенка. Когда мой мозг зафиксировал этот факт, кое-какое воспоминание немного растопило лед в моем сердце.

– Анника прекрасна.

– Значит, безумие тут по боку.

– Вот уж ничего такого я не говорил! – Мой ответ звучит резче, чем я рассчитывал, и мы оба пьем в неловком молчании.

Я бы солгал, если бы не признался – по крайней мере самому себе, – что внешность Анники сыграла свою роль в моем первоначальном увлечении ею и моей готовности на кое-что закрывать глаза. Когда Эрик указал на нее в тот день в помещении студенческого союза, я не мог поверить своей удаче, хотя и удивлялся, почему такая красивая девушка сидит одна. Было бы легко отмахнуться от нее так же, как делали остальные, найти кого-нибудь другого, с кем можно поиграть в следующий раз. Но я искал ее снова и снова, потому что чувствовал себя разбитым из-за неприятностей, в которые попал в Северо-Западном университете, и был переполнен горечью из-за обиды размером с гору Синай, которую лелеял внутри себя. Я был не слишком уверен в себе, а от проигранной партии стало только хуже. Меня передергивает от воспоминаний, и только сейчас, десять лет спустя, я понимаю, сколько сил я потратил впустую, сражаясь в несущественных битвах, в которых и сражаться-то не стоит. В то время Анника этого не знала, но она была именно тем, кто мне был нужен, чтобы я снова поверил в себя. И со временем я понял, что она намного больше, чем

просто смазливая мордашка.

- Ты собираешься с ней встречаться? - спрашивает Нейт.

Всякий раз, когда я думаю об Аннике, мои мысли возвращаются к моменту нашего расставания и к тому же вопросу, повисшему в воздухе без ответа. Это как камешек в ботинке, неудобно, но терпимо.

Но этот камешек никуда не исчезает.

Я делаю еще глоток пива и пожимаю плечами.

- Еще не решил.

Вернувшись домой, я наливаю себе виски и бесцельно стою у окна, наблюдая, как садится солнце. Когда виски кончается, я снова прослушиваю сообщения Анники, потому что я официально пьян и скучаю по ее голосу. То, что я ей не перезвонил, кажется теперь ребячеством и мелочностью. Возможно, я просто жалею себя, потому что две последние женщины, которых я любил, решили, что больше не любят меня. К тому времени, когда Лиз подала на развод, я тоже больше ее не любил, но Анника - совсем другое дело.

Я тянусь к телефону, и когда у нее включается автоответчик, говорю:

- Это Джонатан. Я могу встретиться с тобой за кофе в воскресенье утром, в десять, если у тебя получится. Пока, увидимся.

Может быть, Анника позвонила потому, что наконец-то готова раз и навсегда вытащить камешек из моего ботинка. Кроме того, сколько бы я ни расстраивался из-за того, как закончились наши отношения, я хочу знать, что у нее все в порядке. Хотя по тому, как она держалась, я чувствовал, что у нее все хорошо, но мне нужно знать, по-прежнему ли она взваливает на себя всю тяжесть этого бремени.

Кроме того, я бы не сказал ей «нет», потому что никогда не мог этого сделать.

5. Джонатан

Чикаго

Август 2001 года

Когда я подхожу к кафе, Анника стоит на тротуаре, переминаясь с ноги на ногу. Увидев меня, она сразу же останавливается.

- Доброе утро, - говорю я.

- Доброе утро.

На ней летнее платье, но в отличие от той одежды, что она носила раньше, эта сидит по фигуре. Мой взгляд притягивают ее узкие плечи и впадины на шее и ключицах.

- Идем внутрь?

- Конечно.

Аника делает шаг к двери, но колеблется, увидев, что в маленьком кафе собралась огромная толпа. Место встречи выбрала она, но время-то выбрал я, и, возможно, Аника предпочла бы встретиться раньше или позже, чтобы избежать толкотни. Если мне не изменяет память, в этом конкретном заведении есть просторный внутренний дворик, так что, возможно, столпотворение не имеет значения. Инстинктивно я протягиваю руку к ее поясице, чтобы направить Аннику, но в последнюю минуту отдергиваю. Я был одним из немногих людей, чьи прикосновения она готова выносить. В то время ей нравилось чувствовать на себе мои руки, мое тело становилось ее личной подушкой - или одеялом безопасности.

Но так было много лет назад.

Мы подходим к стойке и делаем заказ. В колледже Анника бы попросила сок, но сегодня мы оба заказываем кофе со льдом.

- Ты уже завтракала? - спрашиваю я, указывая на витрину с выпечкой.

- Нет. То есть я не знала, позавтракаешь ли ты, поэтому немного поела, но не столько, чтобы считать это полноценным завтраком. Сейчас я еще не голодна.

Когда слова слетают у нее с языка, она смотрит вниз на свои туфли, а затем куда-то мне за плечо, в сторону бариста. Куда угодно, только не на меня. Я не против. Особенности Анники я воспринимаю легко - это как надеть разношенные кроссовки. Мне стыдно признаться в этом даже самому себе, но благодаря ее нервозности я всегда чувствовал себя непринужденнее.

Я пытаюсь заплатить, но Анника не позволяет.

- Ничего, если мы посидим снаружи? - спрашивает она.

- Конечно.

Мы садимся за столик, затененный большим зонтом.

- Ты прекрасно выглядишь, Анника. Еще при той встрече надо было сказать.

Она слегка краснеет.

- Спасибо. И ты тоже.

Из-за зонтика сразу становится прохладнее, и румянец на щеках Анники исчезает. Когда я поднимаю свой стакан, чтобы взять в рот соломинку, она прослеживает движение моей левой руки, и мне требуется секунда, чтобы понять, что она проверяет, есть ли у меня обручальное кольцо.

- Как поживает твоя семья? - спрашиваю я.

Аника выглядит довольной, что я начал с чего-то настолько нейтрального.

– У них все хорошо. Отец ушел на пенсию, и они с мамой много путешествовали. Уилл все еще в Нью-Йорке. Я видела его несколько месяцев назад, когда летала к Дженис. Она живет в Хобокене с мужем и их шестимесячной дочерью.

– Значит, вы поддерживаете связь?

Дженис всегда была для Анники чем-то большим, чем просто соседка по комнате, так что меня не удивляет, что их дружба все еще крепка.

– Она моя самая близкая подруга, пусть даже мы не так часто видимся. – Анника делает глоток кофе. – Ты живешь где-то поблизости?

– На Уэст Рузвельт-роуд.

– А я на Саут-Уобаш.

Нас разделяет всего десять минут.

– Интересно, сколько раз мы были близки к тому, чтобы столкнуться друг с другом.

– Я тоже об этом думала, – говорит Анника.

– Мне и в голову не пришло, что ты стала бы жить в центре.

– До работы всего двадцать минут пешком, и, если погода плохая, можно взять машину в каршеринге. У меня есть водительские права, но нет машины. Она мне не слишком нужна, чтобы перемещаться по городу.

– Тебе нравится работать в библиотеке?

– Нравится. Я мечтала об этом. – Анника делает паузу, а потом говорит: – Тебе, наверное, тоже нравится твоя работа. Десять лет прошло, а ты все еще там работаешь.

– Это солидная компания, и они выполнили все свои обещания.

В карьерном плане я продвинулся даже чуть дальше, чем мне наметили во время собеседования, и в большинстве случаев мне нравится моя работа. Иногда я ненавижу ее, но потом напоминаю себе, что, как и сказала Анника, это то, о чем я всегда мечтал.

- Ты все еще плаваешь?

- Каждое утро в спортцентре. Что насчет тебя? Чем ты занимаешься в свободное время?

- Я работаю волонтером в приюте для животных, когда могу, и работаю неполный рабочий день в Чикагском детском театре. Помогаю преподавать актерское мастерство по утрам в субботу. Я написала пьесу.

- Ты написала пьесу? Это потрясающе.

- Ради забавы. Дети проделали с ней огромную работу. Я сейчас работаю над еще одной, чтобы они поставили ее на Рождество.

- Сколько им лет?

- Я работаю с разными возрастными группами. Младшим четыре и пять, а старшим - от девяти до одиннадцати. Они отличные ребята.

- А свои у тебя есть?

Ее глаза расширяются.

- У меня? Нет.

- Ты замужем? В отношениях?

Аника отрицательно качает головой.

- Я никогда не была замужем. Я кое с кем встречалась, но мы расстались. А ты женат?

- Был. Мы развелись около полутора лет назад.

- Ты женился на той девушке? Про которую было то сообщение на автоответчике?

Значит, думаю я, она все-таки его прослушала.

- Да.

- У тебя есть дети? - Она выглядит встревоженной, ожидая моего ответа.

- Нет.

У Лиз были очень четкие цели, когда речь заходила о ее работе, и она не собиралась прекращать восхождение по карьерной лестнице, пока не пробьется на самый верх. Когда я только-только приехал в Нью-Йорк, ее целеустремленность была как маяк, именно это и притянуло меня к ней. Я был полностью за то, чтобы Лиз взбиралась по карьерной лестнице, но каждая ступенька означала определенный промежуток времени, и когда она сообщила мне, что готова будет завести детей не раньше, чем когда ей исполнится сорок один год, да еще спросила, как я отношусь к замораживанию яйцеклеток, я решил, что она шутит.

Но она не шутила.

Забавно, что та самая черта, которую ты полюбил в ком-то, становится невыносимой, когда пытаешься с этим человеком расстаться. И забавно тут не в смысле - смешно до колик. А в смысле - как, скажите на милость, ты с самого начала этого не замечал?

Я согласился встретиться с Анникой сегодня, потому что надеялся получить ответы на некоторые вопросы, но к тому времени, когда мы допивали кофе, наш разговор не продвинулся дальше светской болтовни. Она явно не готова вернуться к тому, что произошло между нами, по крайней мере пока, и было бы излишне грубо давить на нее.

– Готова? – спрашиваю я, когда в наших бокалах не остается ничего, кроме тающего льда.

Вместо ответа Анника молча встает и, пока мы идем, упоминает, как ей нравится близость ее квартиры к парку и музеям, и перечисляет любимые места, где берет еду навынос или куда ходит за покупками. По соседству с квартирой у нее есть все необходимое, и что Анника живет в центре, кажется теперь вполне логичным. Она живет в мирке, где ничто не выводит ее из зоны комфорта и все находится в пределах досягаемости.

Мне сразу следовало понять: у Анники все в порядке. Здесь некого спасать.

Когда мы подходим к ее многоквартирному дому, подпрыгивающая походка и нервная болтовня Анники усиливаются, поскольку ее беспокойство достигает лихорадочных высот. Неужели она ждала, что я что-то скажу, и теперь, когда мы почти пришли, она боится, что конфронтация неизбежна?

Я хватаю ее за руку, потому что не знаю, как еще ее успокоить, и от внезапного воспоминания застываю как вкопанный. Мы уже не на Саут-Уобаш, а перед дверью ее общежития. Ее ладонь в моей – маленькая и мягкая, и на ощупь – точно такая же, как тогда, когда я держал ее в первый раз.

– Нам не обязательно об этом говорить.

Анника перестает нервно подергиваться, и по выражению явного облегчения на ее лице я понимаю, что был прав. Сегодня не будет никаких объяснений, но я не уверен, что у меня хватит мужества получить их.

– Я просто хотел узнать, все ли у тебя в порядке.

Она делает глубокий вдох.

– У меня все в порядке.

– Хорошо. – Я бросаю взгляд на дверь ее дома. – Ну мне пора идти. Было здорово тебя повидать. Спасибо за кофе. Береги себя, Анника.

Хотя она с трудом расшифровывает выражения лиц других людей, ее лицо – открытая книга, и никому не составит труда понять ее. Мне всегда было интересно, не преувеличивает ли она, чтобы помочь людям понять, о чем она думает. Я нахожу это милым.

Когда Анника понимает, что одно свидание за кофе – это предел нашего воссоединения, вид у нее становится подавленный. Хотя это не намеренно и, конечно же, не возмездие, у меня мелькает мысль, что это первый раз, когда я сделал что-то, причиняющее ей боль.

И это ужасно.

Но, может быть, после окончания моего неудачного брака прошло еще слишком мало времени. Вот чего никто не расскажет вам о разводе. Сколько бы вы с супругом или супругой ни говорили, что вашим отношениям конец, это чертовски больно, когда вы идете разными путями, а боль следует за вами до тех пор, пока однажды не исчезнет. Я только недавно заметил ее отсутствие, и у меня нет желания рисковать, заменяя ее на новую.

Я не хочу уходить.

Мне хочется прижать Аннику к себе, зарыться пальцами в ее волосы и поцеловать, как раньше.

Вместо этого я уйду прочь, чувствуя себя безумно одиноким и очень, очень усталым.

6. Анника

Иллинойсский университет в Урбане-Шампейне

1991

Через неделю после того, как я обыграла Джонатана в шахматы, Эрик за несколько минут до начала воскресной встречи клуба сел напротив меня, тем самым восстановив порядок в хаосе, в который он вверг мой мир.

– Пожалуйста, скажи мне, что в этом году ты согласишься участвовать, – начал он.

– Ты же знаешь, что нет.

– Ты могла бы, если бы захотела.

– Я не хочу этого делать. Мне не нравится быть вдали от дома.

– Тебе придется уезжать всего пару раз. Три, если мы попадем в Панамериканский межвузовский чемпионат. В октябре будет тренировочный тур в Сент-Луисе. Ты можешь поехать туда. Посмотришь, как получится. А оттуда поехать домой.

– Я не вожу машину.

– Тебя бы кто-нибудь отвез.

– Я подумаю.

Эрик кивнул.

– Хорошо. Держу пари, тебе понравится.

Я знала, что сразу возненавижу поездку, и поспешила выкинуть эту мысль из головы. Я изучала доску, уже формируя свою стратегию и обдумывая, какой ход будет наиболее эффективным, как чей-то голос произнес:

– Ты не будешь возражать, если я снова поиграю с Анникой?

Джонатан смотрел на нас сверху вниз. Зачем ему снова играть со мной? В тех нечастых случаях, когда Эрик пропускал встречу, другие члены клуба редко

приглашали меня поиграть, и в итоге я потихоньку уходила и возвращалась домой.

- Конечно, старик. Никаких проблем, - сказал Эрик.

Джонатан сел напротив меня.

- Ты не против?

Я вытерла ладони о юбку и постаралась не паниковать.

- Я всегда играю с Эриком.

- Он твой парень?

- Что? Нет. Я просто... Я всегда с ним играю.

Но Эрик уже занял место через две доски от меня с первокурсником по имени Дрю.

- Извини. Хочешь, чтобы я попросил его вернуться?

Я-то как раз хотела этого, но еще больше хотела, чтобы мы начали играть и прекратились все эти разговоры. Поэтому я сделала единственное, что могла, чтобы этого добиться: взяла свою белую пешку и сделала первый ход.

На этот раз победил Джонатан. Я пустила в ход все свои навыки, но их все равно не хватило, и он заслужил победу.

- Спасибо, - сказал Джонатан. - Это была отличная игра. - Джонатан насвистывал, собирая свои вещи.

Наша партия продолжалась так долго, что все уже разошлись ужинать. Когда я взяла свой рюкзак и повернулась в сторону двери, Джонатан схватил свой и пошел вместе со мной. Я отчаянно надеялась, что это просто потому, что мы оба

идем к двери, и что по пути к ней он будет молчать, но я ошиблась.

- Хочешь, догоним остальных? Поедим пиццы?

- Нет.

- Ты действительно хорошо играешь в шахматы.

- Я знаю.

- Ты давно играешь? - не унимался он.

- С тех пор, как мне исполнилось семь.

- Ты давно в шахматном клубе?

- С первого курса.

В нем было, наверное, шесть футов два дюйма против моих пяти футов четырех дюймов, и ноги у него были намного длиннее моих. Мне пришлось ускорить шаг, чтобы соответствовать его темпу и отвечать на вопросы, которыми Джонатан продолжал забрасывать меня. Это было несправедливо, ведь я не хотела отвечать или вообще идти с ним рядом.

- Ты всегда знала, что вступишь в клуб?

- Нет.

Я случайно обнаружила шахматный клуб через три недели после того, как заселилась в общежитие: в тот день я позвонила родителям, сказав им, что бросаю учебу, и попросила приехать за мной на следующее утро. Предыдущие двадцать дней я провела в парализующем водовороте громких звуков и неприятных запахов, подавляющих стимулов и сбивающих с толку социальных норм. В общем, на меня свалилось гораздо больше того, с чем я могла справиться. Родители забрали меня из школы в середине седьмого класса, и дальше мать обучала меня на дому, так что переезд в общежитие колледжа стал особенно внезапным и пугающим. Дженис Олбрайт, болтливая брюнетка из

Алтуны, штат Айова, которую университет случайно назначил моей соседкой по комнате, казалось, легко преодолевала стремительный натиск студенческой жизни, а я тем временем застряла в лабиринте, делая неправильные повороты и отступая назад. Я тянулась за Дженис, как струйка дыма, которую она никак не могла стряхнуть, одинокая фигура в море обнимающихся парочек и компаний друзей, смеющихся и шутящих по дороге на занятия. Я ходила за ней на лекции, в библиотеку и в столовую.

В то воскресенье Дженис и две ее подруги вернулись в нашу комнату в общежитии вскоре после того, как я со слезами на глазах позвонила своим родителям. Одна из них села рядом с Дженис на кровать, а другая устроилась на краю моей. Я сидела, скрестив ноги практически у подушки, и появление девушки заставило меня нырнуть под одеяло с книгой и фонариком – маневр, которым я пользовалась с детства, когда мне полагалось спать, а не читать. Был сентябрь, и наша комната, в которой не было кондиционера, большую часть времени напоминала сауну. Под одеялом было почти невыносимо, воздух стал душным и горячим.

– То, что ты так выглядишь, еще не значит, что ты можешь быть странной, – сказала девушка.

Я замерла, надеясь, что она обращается не ко мне, но тут же поняла, что как раз ко мне. Я достаточно часто слышала разные вариации этих интонаций, когда делала что-то, что люди считали странным или необычным. «Она же такая хорошенькая», – удивлялись они, словно то, как я выгляжу, и то, как себя веду, были взаимоисключающими факторами. Я действительно хорошенькая. Знаю это по двум причинам: люди говорили мне это всю мою жизнь и у меня есть зеркало. Иногда я задавалась вопросом, насколько хуже люди относились бы ко мне, будь я уродиной. Я никогда не думала об этом долго, потому что была почти уверена, что знаю ответ.

– Не груби, – приказала Дженис.

– Что не так? – удивилась девушка. – Это же правда странно.

Хотя Дженис редко разговаривала со мной за те три недели, что мы жили вместе, она никогда не была груба со мной. А однажды, на второй неделе нашей жизни в общежитии, когда у меня катастрофически не хватало чистой одежды,

Дженис показала мне, где находится прачечная, и научила пользоваться стиральными машинами. Мы молча стояли бок о бок, складывали чистую одежду и убирали ее в корзину, которую Дженис привезла в нашу комнату.

Внезапно я снова перенеслась в среднюю школу, и меня охватил ужас, которого я не испытывала уже много лет. Я просто хотела, чтобы меня оставили в покое, и задрожала, когда мои глаза наполнились слезами. Капли пота выступили на лбу, а воздух под одеялом заканчивался. Теперь я никак не могла показать свое лицо.

– Почему бы вам, девчонки, не пойти без меня, – сказала Дженис. – Мне нужно нагнать с домашкой.

– Господи, да ты просто мечта, а не соседка, – ответила одна из девушек.

– Забудь о ней, – сказала другая. – Она не твоя забота.

– Я не против за ней присмотреть. Кроме того, это все равно что пнуть щенка. – Дженис произнесла это тихо, но я услышала.

Тихий щелчок двери возвестил об их уходе, и я вылезла из-под одеяла и жадно начала глотать воздух.

– Зачем кому-то вообще пинать щенка?

– Незачем.

– Тогда почему ты так говоришь?

– Это всего лишь выражение.

Я вытерла щеки тыльной стороной ладони. Чем усерднее я пыталась остановить поток слез, тем быстрее они падали. Некоторое время мы обе молчали, и слышалось только мое сопение, пока я пыталась взять себя в руки. От дальнейшего унижения меня спас телефонный звонок, и Дженис поднялась, чтобы ответить.

– Привет. Да, это Дженис, – услышала я ее голос.

Затем она вытянула шнур до предела, чтобы взять телефон в коридор и поговорить с кем-то наедине, чтобы я не слышала. Через несколько минут она вернулась, повесила трубку и опять села на край моей кровати.

– Иногда я скучаю по своей старой комнате. У меня шестеро братьев, но я поздний ребенок, и сейчас они все разъехались. Но я помню, как это было, когда мы все жили вместе. Они сводили меня с ума. Трудно не иметь места, где можно побыть одной.

Я не произнесла ни слова, и все же Дженис, казалось, точно знала, о чем я думаю и что чувствую. Как же ей это удалось?

– На улице так жарко. Я подумывала сходить в столовку студенческого союза выпить лимонаду. Почему бы тебе не пойти со мной?

Я не хотела этого делать. Мои родители обещали, что приедут утром, чтобы забрать меня из этого кошмара, и я хотела снова залезть под одеяло и отсчитывать минуты до их появления. Но какая-то часть моего мозга понимала, какое одолжение Дженис мне делает, поэтому я сказала:

– О'кей.

Пока мы шли к зданию студенческого союза, Дженис указала на ветеринарную клинику:

– Я слышала, там нужны добровольцы. Тебе стоит пойти и поговорить с ними. Вероятно, им не помешают люди, которые были бы добры к животным.

Я кивнула, но у меня не хватило смелости сказать ей, что утром меня здесь не будет.

Пока мы стояли в очереди за лимонадом, я заметила шахматные доски. По меньшей мере пятнадцать досок лежали на сдвинутых столах, и на них выстроились фигуры в ожидании партий. За столами сидели студенты, разговаривая и смеясь перед началом игры.

Должно быть, я уставилась на них во все глаза, потому что Дженис спросила:

- Ты играешь?

- Да.

- Пойдем посмотрим.

- Я не хочу.

- Пошли.

Она протянула мне лимонад, и я последовала за ней к студенту явно старше нас, стоявшему возле одной из шахматных досок.

- Что у вас тут? Моя подруга играет в шахматы, и ей интересно.

- Здесь собирается шахматный клуб, - сказал парень, глядя на меня. - Меня зовут Роб. Мы здесь каждое воскресенье с шести до восьми. Как тебя зовут?

Дженис толкнула меня локтем, и я сказала:

- Анника.

Тогда он повернулся к парню справа.

- Это Эрик. Он тоже новенький. Если ты останешься, у нас будет четное число, и все смогут играть.

- Ей бы очень хотелось, - вмешалась Дженис.

Я смотрела куда-то вдаль, поэтому Дженис встала в поле моего зрения, чтобы посмотреть мне в глаза, отчего мне стало очень не по себе.

- Я вернусь в восемь, чтобы тебя забрать. Я подойду прямо сюда, к этому столу, и мы вместе пойдем домой.

- О'кей.

Я села напротив Эрика, и от того, чтобы в ужасе убежать, меня удержало только то, что он сделал первый ход. Инстинкт взял верх, и пока я формулировала свою стратегию и мы играли, то забыла, как сильно ненавижу колледж и как глупо себя чувствую, пытаюсь делать то, что естественно для всех остальных. Все свои разочарования и обиды я выплеснула в партию, и я играла жестко. Эрик оказался достойным противником, и к тому времени, когда я уступила ему победу, хотя и дралась до последнего, я снова почти почувствовала себя нормальным человеком. Впервые с тех пор, как я приехала в кампус, я не чувствовала себя такой уж неуместной.

- Отличная партия, - сказал Эрик.

- Так и было, - ответила я едва слышным шепотом.

Роб протянул мне листок с информацией о клубе.

- Тогда приходи сюда в следующее воскресенье.

Я кивнула и взяла листовку, а ровно в восемь часов пришла Дженис, чтобы проводить меня в общежитие. Так один из худших дней моей жизни стал одним из лучших. Впервые за долгое время незнакомые люди проявили ко мне доброту, и я осмелилась надеяться, что однажды мы с Дженис станем настоящими подругами. Благодаря счастливому открытию шахматного клуба у меня появилась отдушина и причина остаться.

Позже в тот же вечер, когда Дженис пошла в холл заниматься, я позвонила родителям и сказала, чтобы они не приезжали.

Мои мысли вернулись в настоящее, когда мы с Джонатаном добрались до моего дома. Я уже давно не вспоминала о событиях, которые привели меня в шахматный клуб. Если бы не Дженис и члены клуба, а также доброта, которую они проявили ко мне в тот день, я бы не окончила колледж. Хотя мне предстояло пройти еще долгий путь, я узнала так много о людях и жизни и о том, что есть очень хорошие и очень плохие вещи.

- Так ты здесь живешь? - спросил Джонатан, пока я шла по тротуару к входной двери.

Стоя к нему спиной, я ответила:

- Да.

- О'кей. Спокойной ночи. Увидимся на следующей неделе, - сказал он.

7. Анника

Чикаго

Август 2001 года

- Что тебя сегодня беспокоит, Анника? Мы можем об этом поговорить? - спрашивает Тина, когда я прихожу на встречу.

Впервые с тех пор, как я начала терапию, мне хочется солгать и придумать объяснение, почему мои волосы выглядят, будто я расчесала их пальцами (потому что так я и сделала), откуда у меня темные круги под глазами (я плохо сплю) и почему на мне не сочетающиеся друг с другом предметы одежды (розовая юбка и красная футболка). Но это, по правде говоря, потребовало бы больше энергии, чем неловкая, унижительная правда, поэтому я выплескиваю ее, не утаивая ни одной детали.

- Джонатан не хочет иметь со мной ничего общего. И это именно то, чего я заслуживаю.

- Я думаю, ты невероятно строга к себе.

- Это чистая правда.

- Почему ты думаешь, что он больше не хочет тебя видеть?

- Потому что, - говорю я, полностью осознавая, что веду себя как капризный подросток, но не в силах подавить свое разочарование от того, что встреча с Джонатаном прошла не так, как я ожидала. - Мне казалось, что мы могли бы продолжить с того места, где остановились.

- Ты имеешь в виду то, что он чувствовал, пока ждал тебя в Нью-Йорке?

- Да. Теперь я готова.

- А как же Джонатан? Как ты думаешь, он все еще готов?

Я едва понимала свои собственные мысли и понятия не имела, что думает Джонатан.

- Я думала, что да, пока он не оставил меня стоять у двери в полном одиночестве.

- Ты думаешь, он таким образом наказывает тебя из-за прошлого?

- А разве нет?

- Может быть, есть и другая причина? Десять лет - долгий срок. Уверена, в его жизни, как и в твоей, было много событий.

Один за другим я выуживала из памяти факты о жизни Джонатана.

- Он разведен. Детей нет. Думаю, он много работает. Живет в квартире недалеко от меня.

- Развод - это серьезная перемена в жизни, и часто она связана с большим стрессом. Он всегда казался тебе неуязвимым, но Джонатан - человек, и он чувствует боль, как и все остальные. Может быть, не ваше прошлое повлияло на его желание увидеть тебя снова, а его нынешняя ситуация?

Мы с Тиной часами работали над трудностями, которые я испытываю, пытаюсь поставить себя на место других людей. После того, как Джонатан ушел, я провела весь день, пытаюсь разобраться в этом самостоятельно. Мое разочарование росло, потому что, как бы ни старалась, я никак не могла понять, в чем дело. Я просто предположила, что он зол на меня за то, что я сделала. Из-за этих размышлений я не могла расслабиться и, следовательно, не могла заснуть, поэтому совсем перестала высыпаться. Однако менее чем за пятнадцать минут Тина без особых усилий распутала для меня проблему, и я наконец все поняла. Все эти дополнительные шаги так утомительны. Помню, как я была ошеломлена, когда Тина объяснила, что большинство людей могут сделать эти выводы мгновенно, вообще без какого-либо дополнительного анализа. Удивительно... а еще душераздирающе мучительно, потому что я никогда не буду такой.

– Я просто... Так сильно хотела получить шанс показать ему, что теперь я другая. Что я уже не та девушка, какой была тогда.

– Но это то, чего хочешь ты. У него тоже есть право голоса. – Тина что-то записывает в блокнот, который лежит у нее на коленях. – Как ты думаешь, Джонатан хотел бы, чтобы ты изменилась?

– Разве не все такого хотят? Как можно не хотеть, чтобы кто-то изменился после того, как он причинил тебе боль?

– Изменить свое отношение к чему-то – не то же самое, что изменить себя как личность. Джонатана здесь нет, так что не могу за него поручиться, но за те годы, что я веду терапевтические сеансы, я разговаривала со многими людьми. И чаще всего слышу от них, что другой человек изменился. И ни один из них никогда не говорил так, будто это хорошо.

– Как ты думаешь, что мне делать?

Тина качает головой.

– Это твое домашнее задание на следующий раз. Я хочу, чтобы ты сама мне сказала.

8. Анника

Иллинойсский университет в Урбане-Шампейне

1991

Джонатан вышел из Линкольн-холла, когда мы с Дженис проходили мимо, направляясь на занятие. Он улыбнулся и поздоровался. Я промолчала.

- Кто это был? - спросила Дженис.

- Джонатан. Из шахматного клуба.

- Тот парень, которого ты обыграла?

- Да.

Я не хотела говорить о Джонатане. Мысль о том, чтобы обсуждать с Дженис какого-нибудь парня, всколыхнула слишком много неприятных воспоминаний. Я могла думать о Джонатане про себя, но не была готова говорить о нем вслух.

Дженис толкнула меня локтем.

- Есть причина, почему ты умолчала, насколько он хорош собой?

- Ты голодная? Хочешь, пойдем на ланч? Я хочу есть.

- Ах, Анника. Забавно, что ты думаешь, будто так легко отвертеться.

- Мне бы очень хотелось, чтобы ты перестала.

- И не надейся.

- Я не могу пройти через это снова. Не хочу и не буду.
- Не все парни плохие. Многие из них очень даже хорошие.
- Ну мы обе знаем, что я сама не способна заметить разницу.
- Не волнуйся. На этот раз ему придется сначала одолеть меня.
- В этом нет необходимости. Я уверена, что он обо мне даже не думает.
- Куда хочешь пойти на ланч?
- Вообще-то я записалась на смену в клинику. Там опоссум со сломанной лапой, его надо осмотреть. Бедняжка. Он такой милый. Видела бы ты крохотную шину, которую ему наложили.
- Тогда почему ты предложила пойти поесть?
- Я просто хотела сменить тему.
- А теперь я в себе разочарована. Не могу поверить, что попалась на эту удочку.

В ветеринарную клинику Университета Иллинойса принимали диких животных, нуждающихся в уходе из-за болезней и травм, или малышей, которые остались сиротами. Идея заключалась в том, чтобы вылечить их, реабилитировать и выпустить обратно на свободу. Основную массу волонтеров составляли студенты-ветеринары, но были и такие, как я, кого в клинику привело не будущее призвание, а бесконечная любовь к животным. Мне нравились мелкие животные, но особую симпатию я испытывала к птицам. Они были великолепными созданиями, и не было ничего более приятного, чем выпустить одну из них на свободу и наблюдать, как она парит высоко в небе. Маленькому зверьку, которого я баюкала на руках – вышеупомянутому опоссуму, которого я решила назвать Чарли, – предстоял долгий путь, но при должных заботе и внимании у него был неплохой шанс вернуться в свою естественную среду обитания.

В комнату вошла Сью, старшекурсница, которая работала волонтером в клинике почти столько же, сколько и я, и с которой мне было очень комфортно.

- Привет, Анника. Ух ты, только посмотрите на этого малыша!

- Ну разве он не прелесть? Так и хочется забрать его домой. А ты знала, что опоссумы на самом деле не висят на хвостах? Почему-то люди всегда считают, что висят, но они же так не делают. У них уши как у Микки-Мауса и пятьдесят зубов, но они не опасные.

На днях, когда я занималась в библиотеке, я наткнулась на книгу об опоссумах и узнала уйму потрясающих фактов. У меня ушло почти десять минут на то, чтобы запомнить их все, но я поделилась ими со Сью, потому что была уверена, что она захочет знать.

- Очевидно, он в хороших руках. - Сью взглянула на часы и сжала мой локоть. - Мне нужно идти. Увидимся позже, хорошо?

- О'кей.

Остаток смены я провела, чистя клетки, помогая давать лекарства и уделяя внимание любому животному, которое в нем нуждалось. Перед уходом я снова заглянула в клетку Чарли, чтобы попрощаться. Я подумала о том, как сильно буду скучать по нему, когда придет время его отпустить, и на мгновение задумалась, смогу ли я когда-нибудь испытать такую же привязанность к человеку.

И тут я подумала, как будет больно, если кому-то придется когда-нибудь отпустить меня.

9. Анника

Чикаго

Август 2001 года

– Я собираюсь перекусить, – говорит моя коллега Одри.

Мы с ней делим на двоих маленький кабинет, в котором как раз умещаются два стола с компьютерами и пара картотечных шкафов. Несколько раз, когда она неожиданно входила в комнату, то ловила меня на том, что я смотрю в пустоту перед собой. Она шутит, что мне нужно перестать расслабляться на рабочем месте, но когда она так говорит, это не похоже на шутку. А я ведь не пытаюсь расслабиться. Глядя в пространство, я очищаю свой разум, чтобы сосредоточиться на проблеме, которую пытаюсь решить.

– Хорошо, – говорю я, потому что Одри терпеть не может, когда никак не реагируют на ее слова. Просто я не совсем понимаю, что она хочет от меня услышать. Я же не объявляю, что собираюсь есть ланч, когда достаю из сумки бутерброд с арахисовым маслом, как делаю это каждый божий день. Сейчас время ланча. Во время ланча едят.

Как только Одри уходит, я достаю из ящика стола листок бумаги. На нем я написала все, что собиралась сказать, когда позвоню Джонатану, и мне нужно будет только зачитать это вслух. Я долго и упорно думала о том, что сказала Тина, и хочу, чтобы Джонатан знал, что я понимаю, что с ним происходит, но мне бы хотелось, чтобы мы провели немного времени вместе. С Джонатаном нас многое связывало, но он точно был моим другом, а у меня не так уж много друзей.

Я вздыхаю с облегчением, когда у него включается голосовая почта, потому что так будет намного проще, но перед самым гудком в кабинет возвращается Одри. Я не хочу, чтобы она видела, как я читаю по бумажке, поэтому прячу листок под пресс-папье и говорю наугад:

Привет, Джонатан. Это Анника. Снова. Я просто... я подумала, вдруг тебе захочется сходить куда-нибудь в субботу.

У меня пересохло в горле, и я небрежно делаю глоток воды.

Обещают хорошую погоду, так что, может быть, мы возьмем что-нибудь перекусить и пойдем в парк. Если ты занят или не хочешь, не беда. Хочу, чтобы

ты знал, я понимаю, что с тобой происходит. Просто хотела предложить. Ладно, пока.

Я отключаюсь и пытаюсь прийти в себя.

- Это был личный звонок? - спрашивает Одри.

- Ничего особенного, - говорю я.

Мне нужна минута, чтобы выровнять дыхание и выпустить адреналин, бушующий у меня в кровотоке всего лишь от одного глупого телефонного звонка.

- Мне это не показалось пустяком. Кто такой Джонатан?

Я не должна отчитываться перед Одри, но она здесь на три года дольше, чем я, и ведет себя так, как будто имеет право лезть во все мои дела.

- Просто парень, которого я когда-то знала.

Одри прислоняется к краю моего стола.

- То есть бывший бойфренд?

- У меня сейчас перерыв на ланч.

Почему я раньше этого не сказала? Разве она не видит сэндвич на моем столе?

- О чем это ты? - спрашивает она стервозным тоном, тем самым, к которому прибегает, когда думает, что я сказала что-то особенно странное.

- Я просто хотела сказать... когда ты сейчас вошла и спросила, личный ли это звонок. Это же мой перерыв на ланч. - Я закрываю глаза и тру виски.

- Ты что, болеешь, что ли? - Одри говорит со мной, как с маленьким ребенком. Голос у нее всегда очень громкий, так что кажется, будто она на меня

кричит.

– У меня просто разболелась голова.

– Ты сегодня до конца сможешь доработать? Я не смогу прикрыть тебя сегодня днем, как на прошлой неделе, когда тебя не было. В тот вечер мне пришлось задержаться допоздна.

– Извини. – Я начинаю заикаться.

– Это была уйма дополнительной работы.

– Не нужно меня прикрывать. Я приму что-нибудь от головной боли.

Одри смотрит на меня, не делая ни малейшего движения, чтобы уйти. Я выдвигаю ящик стола и вытряхиваю на ладонь пару таблеток обезболивающего. Я немного задыхаюсь, когда пытаюсь проглотить их, потому что сделала слишком маленький глоток из бутылки с водой.

Одри вздыхает и лезет в ящик стола за крекерами.

– Уверена, мой суп уже остыл, – говорит она, выходя из комнаты, и, хотя я не имею к этому никакого отношения, мне почему-то кажется, что это моя вина.

Когда Одри возвращается, я сбегая в комнату отдыха, чтобы приготовить чашку чая, и вижу свою коллегу Стейси. Она всегда улыбается мне, и ее голос очень успокаивает. Когда Стейси обжигает палец о тарелку, которую достает из микроволновки, я говорю ей, что мне очень жаль, и слегка обнимаю ее.

– О! – говорит она. – Привет, Анника. Дай мне секунду. – Стейси ставит еду на стойку. – И что это было? – Ее голос звучит не так спокойно, как обычно. Теперь он стал выше.

– Мне очень жаль, что ты обожгла палец.

– Ты всегда такая милая, но у меня все будет хорошо. Спасибо, Анника.

Она хватается свой ланч и торопливо выходит из комнаты. Должно быть, она опаздывает на встречу или что-то в таком роде.

Только к концу дня, когда я выключаю компьютер перед уходом домой, я вспоминаю, что единственная причина, по которой Одри должна была заменить меня на прошлой неделе, заключалась в том, что я отправилась на выездное совещание по просьбе нашего босса.

Моя головная боль так и не прошла, и я была уже совершенно измотана, когда добралась до дома. Я приютила у себя кошку и ее пятерых котят, и сейчас они лежат в картонной коробке под моей кроватью. Я провожу час, лежа на полу рядом с ними, слушая их успокаивающее мяуканье, и моя головная боль наконец проходит. На ужин я насыпаю в тарелку хлопьев, а когда заканчиваю есть, надеваю пижаму и забираюсь в постель с книгой, хотя сейчас только половина девятого.

Через час звонит телефон. У меня нет идентификатора входящих звонков, потому что мне мало кто звонит. Я дожидаюсь, когда включится автоответчик, чтобы у меня было время решить, хочу ли я поговорить со звонящим. Это сводит мою мать с ума. Дженис это тоже сводит с ума, поэтому она всегда кричит: «Возьми трубку, Анника. Я знаю, что ты там, и я знаю, что ты хочешь поговорить со мной».

Мне хочется протянуть руку, чтобы скорее включить автоответчик, но потом вспоминаю, что это может быть Джонатан, и хватаю телефонную трубку всего за несколько секунд до включения записи.

– Алло?

Это Джонатан, и меня переполняет счастье. И вообще звук его голоса всегда утешал меня и успокаивал. Он никогда не говорит слишком громко, и есть что-то успокаивающее в том, как он произносит слова. Для меня его интонации звучат как музыка. А вот когда Одри врывается в комнату, ее голос звучит как сирена в тумане, и то, как она складывает слова, звучит не мелодично. У нее получается что-то похожее на орущий дэт-метал.

– Я ведь не разбудил тебя, правда? – спрашивает он.

Сейчас только половина девятого, но если кто и знает мои привычки по части сна, так это Джонатан.

- Нет. Ты меня не разбудил. Я читаю в постели.

- Я могу встретиться в субботу.

- Здорово! - Я произношу это слишком громко.

- Ну да, конечно. Это же просто ланч, верно?

- Именно это сообщение я и оставила на автоответчике. Это просто ланч.

- Да, я знаю. Я про то... что... Ладно, не бери в голову. Ланч - это прекрасно. Ланч - это великолепно. За тобой зайти?

- В субботу утром я буду в детском театре. Можешь зайти за мной туда? Около полудня.

- Конечно.

- О'кей. Тогда увидимся.

- Спокойной ночи, - говорит он.

- Спокойной ночи.

Мы вешаем трубки, но я не сразу возвращаюсь к своей книге. Еще полчаса я размышляю о Джонатане, прокручивая в голове самые яркие моменты наших отношений, как лучшие кадры из фильма, и когда просыпаюсь на следующее утро, то первым делом думаю о нем.

10. Анника

1991

Звук шагов эхом отдавался от тротуара, и я обернулась как раз вовремя, чтобы увидеть, что ко мне бежит Джонатан. Когда я уходила, он разговаривал с Эриком и несколькими другими членами клуба, и я предположила, что он пойдет с ними ужинать. Сегодня мы снова играли друг с другом, и на этот раз мне удалось победить. Джонатан, должно быть, не слишком обиделся, потому что сказал:

- Мне нравится играть с тобой, Анника.

Меня охватило теплое чувство, потому что никто, кроме Эрика, никогда не говорил мне такого раньше, и я не помнила, чтобы такие слова действовали на меня так, как когда их произнес Джонатан. Мне понемногу становилось легче с ним разговаривать, я уже не замолкала и не заикалась, когда отвечала. Просто мне нужно было немного времени, чтобы расслабиться, как всегда бывало с новыми людьми.

- Привет, - сказал он, поравнявшись со мной. - Ты забыла свою книгу.

Он протянул руку, и я заметила, что Джонатан принес мне мой потрепанный экземпляр «Разума и чувств».

- Спасибо.

- Уже темнеет. В сумерках лучше не возвращаться домой одной.

- Все всегда ходят вместе ужинать.

- А ты почему не ходишь?

- Не хочу.

Я положила книгу в рюкзак, и мы перешли улицу. Обычно я терпеть не могу светскую болтовню, но любопытство взяло верх.

- А ты почему не ходишь?

- Мне нужно работать. По субботам и воскресеньям я работаю барменом в «Иллийни Инн». Ты там бываешь?

- Нет.

- Ты должна как-нибудь прийти. Например, когда я работаю.

- Я не хожу в бары.

- О...

Джонатан закинул рюкзак повыше на плечо, и с минуту мы шли молча.

- Ты когда-нибудь думала о том, чтобы вступить в команду на чемпионат? Эрик попросил меня подумать, и я, наверное, соглашусь.

- Нет.

- Почему нет?

- Я не хочу.

- Должна же быть какая-то причина.

- Это будет слишком для меня.

- Из-за домашних заданий?

- Я могу справиться с академической нагрузкой, но два раза в неделю я работаю волонтером в ветеринарной клинике, а в воскресенье вечером играю в шахматы. Для меня этого достаточно.

Мне требовалось больше времени на отдых, чем большинству людей. Нужно было прийти в себя, чтобы спокойно спать и читать и быть одной.

- Если ты так увлекаешься шахматами, то почему ждал до последнего курса, прежде чем вступить в клуб? - спросила я.

- Это мой первый год здесь. Я перевелся из Северо-Западного университета.

- О.

Внезапно Джонатан остановился.

- Спасибо тебе за то, что ты в буквальном смысле единственный человек, которому я это сказал и который сразу же не спросил почему.

Я тоже остановилась.

- Не за что.

Несколько секунд он смотрел на меня с недоуменным видом, а затем мы снова тронулись с места.

- Почему от тебя всегда пахнет хлоркой?

- Ты правда хочешь получить ответ на этот вопрос?

- Да.

- Я плаваю почти каждый день. Для физической нагрузки. У меня был скачок роста позже, чем у остальных, поэтому в детстве я не играл в футбол или баскетбол. Если не начать в раннем возрасте, потом уже никогда не догнать. Но я хорошо плаваю. Извини, если тебя беспокоит запах. Кажется, от него вообще не избавиться, он даже после душа не исчезает.

- Мне не мешает.

К тому времени мы подошли к моему общежитию, поэтому я оставила Джонатана стоять на тротуаре и направилась к двери. Прежде чем я добралась до нее, он крикнул:

- Ты должна подумать о подготовке к чемпионату!

- Подумаю, - ответила я.

Но я не стану этого делать.

11. Джонатан

Чикаго

Август 2001 года

Полдень. Я жду Аннику у входа в театр, когда она выходит в окружении детей. Она держит за руку маленького мальчика и наклоняется, чтобы обнять его, прежде чем он бросится в долгожданные объятия матери. Дети разбегаются к своим родителям, машут на прощание друг другу и кричат «до свидания» Аннике. Она машет в ответ, и ее лицо озаряет улыбка. Улыбка становится шире, когда она видит меня, и я говорю себе, что принять ее приглашение было правильным поступком. Как я уже сказал ей по телефону, это всего лишь ланч. Чего я ей не скажу, так это того, что у меня был ужасный день и что, когда она оставила последнее голосовое сообщение и я услышал ее голос, все стало не так скверно. Анника - идеальное противоядие от любого плохого дня.

Она подходит ко мне.

- Похоже, у тебя настоящий фан-клуб, - говорю я.

- Я нахожу детей приятнее большинства взрослых.

Ее заявление меня не удивляет. Дети рождаются без ненависти, но, к сожалению, некоторые из них уже в раннем возрасте учатся пускать ее в ход как оружие, и никто не знает этого лучше Анники. В ней всегда было что-то детское, что, вероятно, позволяет ей легко находить с детьми общий язык. А еще это причина, почему взрослые часто недобры к ней. Они ошибочно полагают, что это указывает на недостаток интеллекта или способностей, а ведь и то и другое неправда.

– Я прихватил ланч, – говорю я, поднимая повыше пакет из «Доминика».

В супермаркете отличный отдел готовых блюд навынос, а поскольку именно там я с ней столкнулся, то решил, что этот вариант не хуже любого другого.

– Но это я же тебя пригласила. Мне полагается платить.

– В прошлый раз ты заплатила. Теперь моя очередь.

За последнюю неделю влажность значительно упала, и воздух кажется почти сносным. Мы направлялись в сторону Гранд-парка. По пути Анника снова молчит.

– Что-нибудь случилось? – спрашиваю я. – Ты какая-то тихая.

– В прошлый раз я слишком много болтала. Я нервничала.

– Не стоит. Это всего лишь я.

Кажется, весь Чикаго решил пойти сегодня в парк. Мы пробираемся сквозь толпу и находим свободный пятачок на лужайке. Я достаю из сумки сэндвичи и чипсы, протягиваю Аннике бутылку лимонада, а для себя открываю кока-колу.

– Ты принес свою доску, – замечает она, указывая на сумку, которая лежит на траве рядом с нами.

– Я подумал, ты будешь не против партии.

В основном я думал, что это ее успокоит. Шахматы всегда были для нее одним из лучших способов общения.

– Мне бы очень хотелось сыграть. Но я, наверное, уже заржавела. Ты, скорее всего, выиграешь.

– Я, скорее всего, выиграю, потому что я лучше тебя.

Ей требуется секунда, чтобы понять, что я шучу, и она улыбается.

Анника прекрасна, когда улыбается.

Вокруг нас люди играют во фрисби, многие – босиком. Пчела кружит вокруг лимонада Анники, и я отгоняю ее. Когда мы заканчиваем есть, я раскладываю доску, и мы расставляем фигуры.

Почти все в Аннике кажется изящным и хрупким. Ее руки намного меньше моих. Когда я впервые встретил ее, то столько времени проводил, изучая их, пока она обдумывала свой следующий ход, что я не мог не задаться вопросом, каково было бы держать одну из них в своей. Но когда Анника играет в шахматы, в ней чувствуется абсолютная безжалостность. Она едва могла смотреть на меня, когда я в первый раз провожал ее домой, но она всегда смотрела на шахматные фигуры с сосредоточенностью лазерного прицела, и с тех пор мало что изменилось. У нас получается интересная партия. Анника, по ее выражению, «заржавела», но играет жестко, и я это понимаю, потому что никогда не забуду, как мы играли в первый раз: тогда она разнесла меня в пух и прах.

Сегодня мне удастся выйти вперед, и я перемещаю своего коня на позицию.

– Мат.

Ей некуда переместить своего короля, и Анника не может заблокировать меня или захватить мою фигуру. По ее наморщенному лбу и тому, как она смотрит на доску, я догадываюсь, что Анника уже корит себя за проигрыш.

– Я позволила тебе выиграть, – говорит она наконец.

Я смеюсь.

- Ты играла хорошо, но я играл лучше.

- Ненавижу, когда ты меня бьешь.

- Я знаю.

Пока мы собираем и складываем фигуры, она произносит:

- После того как мы ходили пить кофе, ты вел себя так, будто не хотел снова меня увидеть.

Моя поддразнивающая улыбка блекнет, но сомневаюсь, что Анника заметит нерешительное выражение, которое приходит ей на смену.

- Я правда хотел. Просто был не уверен, что это хорошая идея.

- Но мы сейчас в одном городе. Я готова и на этот раз сама постараюсь, чтобы все получилось. Я не оставляю все на твое усмотрение.

- Есть вещи, о которых мы еще не говорили. Потому что сомневаюсь, что ты действительно хочешь говорить о них.

- Я подумала, что мы могли бы перешагнуть через все, что случилось, и начать сначала.

- Это не так работает.

- А ведь было бы намного проще.

Она упирается взглядом в покрывало, и с минуту ни один из нас не произносит ни слова.

- Я хожу к психотерапевту раз в неделю. Начала, как только переехала в город. Моего психотерапевта зовут Тина. Она действительно помогла мне понять, почему... почему я именно так вижу какие-то вещи. Я сказала ей, что ты, вероятно, не хочешь иметь со мной дела из-за того, что произошло между нами,

но она сказала, что, возможно, это из-за развода.

- Думаю, в какой-то степени и то и другое.

Трудно проглотить горькую пилюлю, когда приходится признаться, даже самому себе, что ты ошибался насчет человека, который, как ты был уверен, идеально тебе подходит. Еще труднее было признать, что Лиз была полной противоположностью Аннике. Я убеждал себя, что это имеет огромное значение, пока это не обернулось против меня и я наконец понял, что это значит не так уж много, как я думал.

- После развода становишься осторожным. Сомневаешься в собственных реакциях, - говорю я.

Но Анника была права, взяв на себя часть ответственности за мои колебания, потому что и она сыграла в их появлении определенную роль.

- А как насчет тебя? Какие-нибудь расставания в твоём прошлом?

- Я встречалась с одним коллегой из библиотеки. Он хороший парень, и мы отлично ладили. Около полугода мы пытались завязать романтические отношения, но он был слишком похож на меня. - Анника смотрит мне в глаза, а потом так же внезапно отводит взгляд. - Это была катастрофа. Таким людям, как мы, нужны люди... не такие, как мы, чтобы уравновесить ситуацию. Теперь мы просто хорошие друзья. Со следующим мужчиной я встречалась больше года. Он говорил, что любит меня, но никогда не мог полностью принять меня такой, какая я есть. Обращался со мной так, как будто из-за этого я не заслуживала его внимания и любви. Иногда я беспокоилась, что могла сама начать верить в это, если бы мы остались вместе.

- Может, он действительно любил тебя, а ты ему не позволяла.

Анника отрицательно качает головой.

- Именно благодаря тебе я знаю, каково это, когда тебя любят и принимают. - Ее глаза наполняются слезами, и она их смахивает.

– Может быть, на этот раз нужно никуда не спешить.

– Я могу никуда не спешить, Джонатан. Я буду ждать тебя, как ты всегда ждал меня.

На Аннике туфли-слипоны на босу ногу. Я протягиваю руку и осторожно их снимаю. Она смотрит на меня и улыбается, когда ее накрывают воспоминания, и она шевелит пальцами ног в траве, как будто это лучшее чувство в мире.

Я тоже улыбаюсь.

12. Анника

Иллинойсский университет в Урбане-Шампейне

1991

Джонатан неустанно уговаривал меня вступить в команду. Со временем подключился и Эрик, и в результате на меня давили с обеих сторон.

– А что, если я буду заходить за тобой в общежитие и провожать на встречи клуба по средам? – спросил он. – Тогда ты вступишь в команду?

Я только-только начала чувствовать себя комфортно, разговаривая с Джонатаном. Я была не готова добавить еще одно дело, особенно связанное с таким стрессом, как соревнования по шахматам.

– Возможно.

Мне хотелось возразить, что мне не нужна нянька, но правда заключалась в том, что я любой ценой избегала пробовать что-то новое, и поэтому именно эту роль придется играть Джонатану.

Мы собрали вещи и вместе вышли из помещения студенческого союза, потому что Джонатан теперь провожал меня домой каждое воскресенье вечером после окончания встречи шахматного клуба. Остальные отправлялись ужинать, а мы шли бок о бок, пока не доходили до общежития.

Это было самое яркое событие моей недели.

Когда я шла на встречу, собирались тучи, а теперь, выйдя из здания, я обнаружила, что начался сильный ливень. Вытащив из рюкзака зонтик, я подумала, не позвонить ли Дженис, чтобы попросить ее забрать меня на машине. Я не умела водить машину и, несмотря на уговоры матери, отказалась получать права. Мысль о том, что я буду управлять тысячами фунтов металла, приводила меня в ужас, и ближе всего к транспортному средству у меня был мой старенький синий десятискоростной велосипед «Швинн».

– Я сегодня на машине и могу тебя подвезти.

Нервозность от того, что придется очутиться наедине с Джонатаном в его машине, почти помешала мне согласиться, но прежде чем я успела подумать об этом, он толкнул дверь, открыл свой зонтик и, держа его над нашими головами, направился в сторону парковки. Дул ветер, и мы шли быстро, пока он вел меня к белому пикапу. Джонатан отпер дверь со стороны пассажира, а затем подбежал к водительскому месту и сел сам.

Было начало октября, и дни становились прохладнее. От сырости, повисшей в воздухе после дождя, стало еще холоднее. Я забыла взять с собой куртку и потеряла руки, чтобы хоть как-то согреться.

– Тебе холодно?

– Я забыла дома куртку.

Джонатан покрутил ручку на приборной доске, и из вентиляционных отверстий повеяло теплым воздухом.

– Нужно подождать несколько минут, и станет теплее.

Движение на перекрестке замедлилось. Было совсем темно, и сначала я не могла понять, почему большинство машин остановилось на зеленый свет и почему некоторые из них громко сигналили, так что мне пришлось зажать себе уши от ужасного звука. Но тут я заметила гусыню и длинный ряд гусят, которые тащились за ней, пытаясь перейти дорогу. Большинство машин остановились, и лишь немногие проскакивали через перекресток, не обращая внимания на птиц.

Не раздумывая, я выпрыгнула из пикапа, оставив дверь нараспашку, так я спешила помочь гусям. Джонатан, должно быть, выскочил из машины сразу за мной, потому что я слышала, как он кричал:

- Анника! Господи! Будь осторожна.

Гусыня шипела, пока я с трудом гнала ее вместе с потомством в безопасное место. Дождь хлестал меня и Джонатана тоже, потому что он начал управлять движением, размахивая руками, как полицейский, чтобы остановить других водителей. Я шла рядом с гусями и заслоняла их своим телом, пока они медленно пересекали гуськом перекресток и спускались в безопасную канаву на обочине дороги. От радости, что мы спасли их, я захлопала в ладоши, но потом зажала себе уши, чтобы заглушить какофонию сердитых автомобильных гудков. Мы с Джонатаном снова сели в пикап, и он встроился обратно в поток машин, когда загорелся зеленый свет. Я обернулась и вытянула шею, чтобы разглядеть гусей в темноте, и испытала облегчение, когда увидела покачивающуюся голову гусыни. Их семейство удалялось от дороги, и я надеялась, что они продолжат свой путь в сторону безопасного ночлега.

- Безумие какое-то, - сказал Джонатан. - Я и понятия не имел, что ты вот так выпрыгнешь из машины. Ты меня до смерти напугала.

- Ты видел эти машины? Некоторые из них, казалось, готовы были переехать несчастных птиц. Я не знаю, почему эти гуси так сбились с курса.

- Некоторым людям нужно расслабиться.

- Хочешь познакомиться с моей соседкой по комнате?

- Ты имеешь в виду сейчас?

- Да.

- Мне нужно идти на работу, а до того - заскочить домой, чтобы переодеться в сухое.

- О, совершенно верно. Я и забыла.

- Я про то, что могу выкроить несколько минут, если ты действительно хочешь, чтобы я с ней познакомилась.

Джонатан припарковал свой пикап и последовал за мной вверх по лестнице в мою комнату. Джо и Дженис сидели на диване и смотрели телевизор.

- Это запах ладана, - пояснила я.

- Ладно, - сказал Джонатан.

Я довольно хорошо научилась считывать выражение лица Дженис, потому что изучала его с того самого дня, как познакомилась с ней. Сейчас она смотрела на нас с улыбкой «я в восторге».

- Анника! Кто это? - спросила она.

- Это Джонатан. Он подвез меня домой, там дождь идет.

- Привет, - сказал Джонатан.

- Это моя соседка по комнате Дженис и ее парень Джо. От него пахнет анашой, вот почему мы жжем благовония.

Джо буркнул что-то в ответ, но Дженис и Джонатан пожали друг другу руки.

- Приятно познакомиться, - сказала моя соседка.

- И мне тоже.

- Почему вы, ребята, насквозь мокрые?

- Пришлось помочь гусям. Возле студенческого союза гусыня с гусятами пытались перейти дорогу, а люди даже не останавливались!

- Значит, ты выскочила из машины, чтобы им помочь? - переспросила Дженис.

- Конечно. Никто больше не собирался им помогать. - Я повернулась к Джонатану. - О'кей. Теперь ты можешь идти.

Несколько мгновений никто ничего не говорил. Джонатан направился к двери, но прежде чем открыть ее, обернулся и сказал:

- Не забудь завтра захватить куртку. Обещают, что будет еще холоднее, чем сегодня.

- Не забуду.

Шанс, что я все же забуду куртку, был очень велик, ведь организованность была не самой сильной моей стороной. Вскоре после того, как Дженис взяла меня под свое крыло в те ужасные первые дни нашего первого курса, она попыталась помочь мне взять себя в руки и вскоре обнаружила, что я совершенно безнадежна. Моя половина комнаты в общежитии была очень похожа на мою спальню дома. Чистая одежда в одной куче, грязная в другой. Повсюду бумаги. Некоторые говорили, что это походило на хаос, но для меня это был организованный хаос, и Дженис научилась не нарушать его после того, как однажды пыталась помочь мне и сложила мою одежду, пока я была на занятиях. Я была так явно расстроена, что она больше не пыталась.

Я редко думала о том, сочетается ли моя одежда между собой, и забывала, что надо ухаживать за своей внешностью. Дженис смогла убедить меня, что согласованные цвета - это хорошо, и она мягко напоминала мне причесываться, когда я начинала походить на сумасшедшего ученого. Бывали времена, когда я забиралась под одеяло с фонариком и книгой, и тогда Дженис спрашивала, что случилось, расстроена я или подавлена. В конце концов мне удалось убедить ее, что иногда мне просто нужно побыть одной. Оставались вещи, которые сбивали меня с толку, в основном правильные ответы в тех или иных ситуациях в общении, и когда я стала чувствовать себя более комфортно в обществе Дженис,

я сама начала спрашивать ее о них.

Жизнь с ней была похожа на ускоренный курс обучения «Как быть нормальной».

После ухода Джонатана я закрыла дверь и села на диван рядом с Дженис.

- Что думаешь?

- Ну для начала он очень вежливый.

- Он сущий ботаник, - сказал Джо.

- Нет, это не так, - возразила я.

- Анника спрашивала не тебя, Джо.

- Держу пари, он просто любит играть в шахматы, - сказал Джо.

- Я люблю играть в шахматы.

Джо фыркнул и бросил на Дженис странный взгляд. Она выстрелила таким же в ответ. Это выражение лица добавилось к каталогу ее выражений недавно, но я знала, что оно означает «Заткнись сейчас же, Джо».

- Почему ты все еще встречаешься с ним? - спросила я Дженис.

Дженис шикнула на меня и потащила на кухню.

- Даже не знаю. Он очень, очень красивый.

- И такой тупой.

- Ну и что. Я же не собираюсь выходить за него замуж.

Был ли Джонатан ботаником? Только то, что у него были короткие волосы и он не занимался всеми на свете видами спорта, еще не означало, что он ботаник. Он был действительно умен, а ум в парнях всегда делал их для меня интереснее, чем они могли бы показаться другим. Кроме того, он был действительно хорош собой, и иногда, когда мы играли в шахматы, я смотрела на него, загипнотизированная тем, какое красивое у него лицо. У Джонатана были самые белые зубы, которые я когда-либо видела, что заставило меня думать, что на вкус его поцелуи будут как мятные таблетки. Поцелуи Джо, вероятно, были на вкус как марихуана и чипсы «Фанюн».

- Тебе нравится Джонатан? - спросила Дженис. - В смысле как парень?

- Нет.

- Ничего страшного, если нравится, - попыталась успокоить меня подруга.

- Нет, не нравится.

- Только на сей раз не прыгай в омут с головой. Пока не узнаем наверняка.

Я раздраженно к ней повернулась.

- Но как узнать?

- Иногда никак. Но если парень напоминает тебе надеть куртку... потому что он не хочет, чтобы ты замерзла, это очень хороший признак того, что он не попытается сделать тебе больно. Это не стопроцентная гарантия, и ты все равно должна быть осторожна, но это хорошее начало.

- Я не хочу снова ошибиться, - сказала я, потому что однажды уже совершила ошибку, когда мы учились на втором курсе.

Парень по имени Джейк, с которым я познакомилась на одной лекции, проникся ко мне симпатией, и сказать, что я отвечала ему тем же, было бы неловким преуменьшением. То, что началось с глупых каракулей в тетрадах друг друга, пока профессор бубнил что-то скучное, скоро превратилось в совместные походы на занятия, и я ходила с самой дурацкой широкой улыбкой, которая

когда-либо появлялась на моем лице, а Джейк – небрежно забросив руку мне на плечо или придерживая за задницу. Иметь парня было так здорово, как я тогда думала. И так легко! Больше недели я почти не отходила от Джейка. Я разыскивала его в студенческом союзе и в столовой и занимала свое законное место за его столом, как это сделала бы любая девушка. Я стирала ему одежду и помогала с домашним заданием, потому что именно это ты делаешь, когда в кого-то влюблена и он влюблен в тебя. Джейк был очень занят, так что я была благодарна, что он вообще мог проводить со мной хоть сколько-то времени. Когда мы сталкивались с его друзьями, что, казалось, случалось сплошь и рядом, потому что он, очевидно, был очень популярен в кампусе, он показывал на меня и говорил: «Вы знакомы с Анникой? Она просто нечто». Потом они все смеялись, и моя улыбка становилась еще шире, потому что я чувствовала себя просто прекрасно.

А потом, вскоре после того, как вся эта идиллия развалилась на части, моя соседка по комнате подставила мне плечо, собирая меня по частям.

Дженис приобняла меня.

– Сомневаюсь, что на этот раз ты ошибаешься. Я думаю, ты действительно нравишься Джонатану. Он кажется хорошим парнем. Разреши себе это. Не позволяй, чтобы неудачный опыт навсегда лишил тебя счастья от встречи с отличным парнем. Если ты еще не готова признаться в этом мне, признайся хотя бы себе.

– Ты действительно думаешь, что я ему нравлюсь?

– Похоже, что так оно и есть. Он с тобой флиртует?

Джонатан не делал ничего из того, что делал Джейк, например не рисовал в моей тетради сердечки и не обнимал меня.

– Не знаю. Он очень часто мне улыбается.

– Это хороший знак.

– Мне придется быть повнимательнее.

Позже, лежа ночью в постели, я думала о Джонатане и старалась не перечислять в уме все, что могло пойти не так. Вместо этого я подумала о том, что в шахматном клубе он почти всегда предпочитал играть со мной. Мне нравилось, что он всегда провожал меня домой. Мне нравилось, что ему не все равно, холодно мне или нет.

Мне все это нравилось. Очень нравилось.

13. Анника

Иллинойсский университет в Урбане-Шампейне

1991

Солнце только взошло, когда мы с Джонатаном выехали из кампуса и направились в Сент-Луис. Мой пустой желудок скрутило. Я так нервничала, что не могла даже думать о завтраке, и боялась, как бы меня не вывернуло наизнанку на пассажирском сиденье пикапа Джонатана.

– Жаль, что здесь нет музыки, – заметил Джонатан. – Радио никогда не работало.

– Я люблю тишину, – сказала я.

Очутиться в ловушке в машине, где играет громкая музыка, – да от такого нетрудно уйти в пике. Я не могу справиться с перевозбуждением, и мне нужны часы тишины, чтобы нейтрализовать шум. Грузовик Джонатана выглядел старым и тихо дребезжал, пока мы ехали по шоссе, но мне он казался идеальным.

Джонатан не только убедил меня вступить в команду, но и уговорил принять участие в тренировочном матче. Эрик был в восторге. И Дженис тоже. Только у меня еще оставались сомнения. На последнем собрании шахматной команды, а для меня оно было лишь второе, я подслушала, как кое-кто спрашивал Эрика, подхожу ли я для турнирной игры. Это было еще кое-что, чему я научилась в тот год: если ты молчишь и не издаешь много звуков, некоторые люди считают, что

у тебя не в порядке со слухом. Но с моим все было в порядке.

Эрик защищал меня:

– Я играю с Анникой уже три года и готов поспорить на что угодно, что она обыграет любого из вас. Она будет для нас ценным приобретением.

После такого одобрения я сделала бы что угодно, лишь бы не подвести Эрика.

В тот день нас было двенадцать человек, и, если бы мне пришлось ехать вместе с остальными ребятами, которые набились по шестеро в одну машину как селедки в банку, среди шума и чужих запахов, я бы не согласилась.

– Мы можем поехать туда сами, если хочешь, Анника, – сказал Джонатан. – И нам не придется там ночевать. Мы можем уехать, как только наши партии закончатся.

И снова он устранил все трудности на моем пути, как будто точно знал, что нужно для моего комфорта.

– Он знает, – сказала Дженис, когда я рассказала ей о его предложении. – И Джонатан делает это, потому что ты ему нравишься и потому что он действительно хороший парень.

– Я очень нервничаю, – призналась я Джонатану, скрестив под полами рубашки руки на груди, чтобы скрыть, как щелкаю суставами пальцев.

– Ты отлично справишься, – заверил он. – Они только взглянут на тебя и забудут, как в шахматы играть.

– Не думаю, – ответила я. – Эти игроки действительно хороши. Не могу себе представить, чтобы они вдруг разучились играть.

– Я имел в виду, что ты очень красивая, поэтому они будут слишком заняты, рассматривая тебя, и не смогут сосредоточиться.

– Маловероятно, что такое случится.

Джонатан издал короткий смешок.

- Значит, только со мной так происходит, да?

Через несколько минут мой мозг сообразил, что он имеет в виду, и я крикнула «О!» так громко, что Джонатан даже подпрыгнул на месте.

- Ты что, сейчас флиртовал со мной?

- Пытался. Я думал, у меня получалось почти нормально, но теперь я уже не уверен.

- Джонатан?

Он на секунду оторвал взгляд от дороги и посмотрел на меня.

- Я, честное слово, поняла, что ты флиртуешь. Просто хотела убедиться.

Тогда он одарил меня одной из тех улыбок, о которых я говорила Дженис.

Чемпионат проходил в большом конференц-зале местной гостиницы. Хотя мы приехали как команда, соревноваться нам предстояло индивидуально. Погода в тот день была не по сезону теплой для позднего октября, как это часто бывает на непредсказуемом Среднем Западе, и я надела длинную мешковатую юбку и еще более свободную толстовку, зная, что не смогу провести несколько часов в одежде, в которой мне будет неудобно. Мне все еще было жарко, и я уже начала немного потеть.

- У тебя все в порядке? - спросил Джонатан.

Я не произнесла ни слова с тех пор, как мы вошли в отель, и держалась рядом с ним, хотя мне очень нужно было в туалет. Мой мочевого пузырь вообще плохо справлялся с нервозностью.

- Когда мы начнем играть?

Невыносимо было, что я не знаю точно, как тут все устроено, и вообще надо было спросить у Эрика, чего ожидать от чемпионата, прежде чем соглашаться. Если удастся преодолеть тот момент, когда придется обменяться парой фраз с моим противником и начать играть, я могла бы полностью погрузиться в игру и блокировать все остальное. Как только это произойдет, дрожь прекратится, и меня перестанет подташнивать.

– Первый раунд начнется в десять часов. У Эрика есть список с нашими местами и именами наших оппонентов. Не беспокойся. Я тебе все объясню.

Слова Джонатана меня успокоили, и я кивнула:

– О'кей.

Следующие полчаса мы разминались и Эрик делился всем, что знал о других командах. Потенциально я буду играть три раза, в зависимости от того, выиграю ли я и выйду ли в следующий раунд. Моим первым противником была девушка из Миссури, и я изучила ее статистику, обдумывая свой гамбит.

Незадолго до десяти мы вошли в конференц-зал и заняли свои места перед досками с нашими именами на маленьких картонных табличках.

– Привет, – поздоровалась моя противница.

Это была темноволосая девушка по имени Дейзи, и когда она протянула мне руку, я быстро пожала ее и снова сосредоточилась на доске. В первой партии моя нервозность из-за соревновательной игры повлияла на мой гамбит, и я запнулась, сделав два неосторожных хода подряд. То, что она не замедлила этим воспользоваться, тут же дало мне понять, что Дейзи будет грозным противником. Это была именно та мотивация, которая мне была нужна, чтобы унять дрожь и перейти в режим схватки. Мы сражались на равных до самого конца, но ходом, которого она не предвидела, я захватила ее короля.

– Мат.

– Хорошая партия, – сказала она.

Следующая партия показалась мне легче предыдущей, хотя я ожидала, что будет сложнее. Может быть, это только везение и мне выпал слабый противник – высокий парень из Университета Айовы, но расправилась я с ним с относительной легкостью, хотя мне потребовалось почти два часа, чтобы это сделать.

– Ух ты! О'кей, – только и сказал он, прежде чем двинуться дальше.

К тому времени, когда я сидела напротив своего последнего противника, я играла уже почти четыре часа. Сочетание раннего пробуждения и умственной работы, необходимой для поддержания такого уровня игры, начинало сказываться. Мой противник не отрывал взгляда от доски, когда мы сели напротив друг друга. Мы не смотрели друг на друга, и никто из нас не произнес ни слова. Наша партия продолжалась долго, и мы собрали толпу, поскольку остальные уже закончили. Это была действительно самая трудная партия, которую я когда-либо вела за все годы игры, и победу я одержала только потому, что мой противник заперол свой последний ход. Я чувствовала себя измотанной, почти лишенной воли, когда захватила его короля.

– Мат.

Джонатан подошел ко мне сзади и положил руки на плечи, нежно их сжал, когда я с облегчением выдохнула.

Наши товарищи по команде собрались вокруг нас, превознося свои победы и оплакивая свои проигрыши. Мы задержались на некоторое время, пока Эрик не предложил нам покинуть отель и пойти поужинать в ближайшую закусочную. Команда с энтузиазмом согласилась.

– А ты как, Анника? – спросил Джонатан. – Ты голодна?

– Да, – ответила я.

Было уже почти шесть вечера, и мои противники, вероятно, слышали, как урчало у меня в животе, пока мы играли.

– Мне нужно в туалет, а потом я буду готова идти.

Намыливая руки, я посмотрела в зеркало. Мои щеки порозовели, а в глазах появился блеск, которого я никогда раньше не видела. Может быть, это и есть ощущение счастья, подумала я. В коридоре, выйдя из туалета, но не дойдя до того места, где меня ждал Джонатан, я быстро скинула туфли и сунула их в сумку. Дженис убедила меня надеть вместо моих обычных теннисных туфель ее туфли без каблуков, и ногам в них было ужасно неприятно. Никто не сможет увидеть мои босые ноги под длинной юбкой.

Придержав передо мной дверь, Джонатан последовал наружу. Поздняя осенняя трава увяла и приятно хрустела под моими ногами, когда мы пересекали лужайку отеля по пути к пикапу Джонатана, чтобы догнать нашу команду. Мне хотелось сесть на траву и зарыться в нее пальцами ног. Я никогда не смогу объяснить, какое удовлетворение это мне доставляет или насколько эффективно оно помогает избавиться от стресса, который я получила от целого дня соревнований, находясь в переполненной комнате.

Джонатан завел мотор и выехал со стоянки.

– Как получилось, что ты уже больше трех лет состоишь в шахматном клубе и никто, кроме нас с Эриком, не знает, насколько ты хороша? – спросил он.

Из нашей команды только семь человек выиграли во всех партиях, и мы с Джонатаном оказались в их числе.

– Когда Эрик не может играть со мной, я обычно возвращаюсь домой.

– Но почему?

Как мне заставить его понять, что для других я практически невидима? Большинство моих товарищей по клубу давным-давно списали меня со счетов как странную, застенчивую девушку, и они были правы. Для большинства из них клуб был отдушиной, дававшей им возможность пообщаться со своими, а шахматы – лишь приятным дополнением. А для меня шахматы были чем-то намного большим. Когда я сосредотачивалась на игре, это унимало беспорядочные тревоги и хаос у меня в голове.

– Не знаю. Просто так получилось.

Джонатан припарковал пикап у закусочной, и мы уже собрались пойти внутрь, чтобы присоединиться к остальным. Пока мы стояли в очереди, я сунула руки в карманы юбки и принялась раскачивать ткань взад-вперед. Было что-то в этом движении, что успокаивало меня, и мне нравился звук, который производили складки.

– Мисс, вы не можете войти сюда в таком виде, – произнес чей-то голос.

Я не осознавала, что он обращается ко мне, пока Джонатан не спросил:

– Анника, где твои туфли?

Мгновение было вроде тех, когда говоришь слишком громко, потому что находишься в шумном месте, а потом шум внезапно прекращается, и все оборачиваются посмотреть, кто кричит. Только я не кричала. Я стояла в очереди в закусочную босиком, и все смотрели на мои голые ноги с ярко-розовым лаком на ногтях. Я сделала это не нарочно, просто забыла надеть туфли перед тем, как мы вышли из пикапа.

Мои щеки горели. Я повернулась к двери, запаниковав, когда попыталась потянуть ее на себя вместо того, чтобы толкнуть. Дверь загремела. Когда я наконец поняла, как она устроена, то выскочила за порог и побежала на парковку. Джонатан догнал меня, когда я дергала дверную ручку его пикапа.

– Подожди, она заперта, – сказал он. Джонатан вставил ключ и открыл мне дверь. – Не беспокойся из-за этого. Просто надень туфли, и мы вернемся.

Я забралась в пикап и тыльной стороной ладони вытерла слезы. Джонатан стоял у двери и терпеливо ждал.

– Я не могу туда вернуться.

– Почему нет?

– Ты иди. Я подожду здесь.

– Анника, ничего страшного не случилось.

– Пожалуйста, не заставляй меня туда идти, – взмолилась я.

Он положил ладони на мои ноги, и его прикосновение успокоило меня. Я почувствовала себя защищенной, словно он никогда не позволит, чтобы со мной случилось что-то плохое.

– Остайся здесь. Запри дверь, и я вернусь через пару минут.

Он закрыл дверь, и я нажала на кнопку замка, а он вернулся в закусочную. Через стекло я наблюдала, как он разговаривает с нашей командой, а затем направляется к стойке. Через пять минут он вернулся к пикапу с белым бумажным пакетом в руках.

– Я сказал им, что ты устала и что соревнование основательно выбило тебя из колеи, поэтому мы решили вернуться. Они все понимают. Просили, чтобы я еще раз тебе передал, как здорово ты сегодня справилась. У меня есть сэндвичи и пироги. Ты любишь пироги?

У меня больше не осталось сомнений в том, что Джонатан за человек.

– Обожаю пироги.

– Сэндвичи с ветчиной. Пироги с яблоком. – Он протянул мне завернутый в фольгу сэндвич и пенопластовый контейнер с пирогом, а также вилку и салфетку.

Именно так сделала бы Дженис, и я спросила себя, всегда ли мне будет нужен кто-то, кто заботился бы обо мне.

– Спасибо.

Я никогда не была намеренно невежливой, но часто забывала сказать «спасибо», и мне было бы очень неловко, если бы я вспомнила об этом только после того, как он высадил меня у общежития.

Джонатан развернул сэндвич и откусил кусочек.

- По тебе не скажешь, что ты из тех, кто красит ногти на ногах ярко-розовым лаком.

- Это сделала Дженис. Она сказала, что если я так настаиваю на том, чтобы ходить босиком, то самое меньшее, что я могу сделать, - это сделать мои ноги красивее, чтобы люди на них смотрели.

Я положила в рот немного пирога, потому что, если представлялась такая возможность, всегда начинала с десерта. Я была так голодна, что заставляла себя делать паузы между кусками.

- Не люблю обувь.

Джонатан коротко рассмеялся, но это прозвучало по-доброму.

- Да, я так и понял.

- Она меня ограничивает, и я не могу пошевелить пальцами ног.

- А что ты делаешь зимой?

- Страдаю в сапогах.

- Ты, похоже, в игры не играешь?

Я откусила еще кусочек пирога.

- Шахматы - единственная игра, в которую я умею играть.

Расправившись с едой, мы молча поехали по темному шоссе, и к тому времени, как мы добрались до Урбана, ко мне вернулась та толика спокойствия, какая для меня вообще возможна вне стен моей квартиры. Джонатан остановился перед моим домом и заглушил мотор. Я открыла дверцу и вылезла, не попрощавшись, сосредоточившись только на том, чтобы достичь безопасности и комфорта моей спальни, где я планировала провести остаток вечера в одиночестве, пытаюсь забыть весь этот унижительный опыт. К моему удивлению, Джонатан тоже вышел из машины и догнал меня, когда я подошла к двери общежития. Он

схватил меня за руку, и я резко остановилась. Джонатан осторожно сжал ее, но не отпустил. Его прикосновение заставило меня почувствовать, что, пока он держит меня за руку, ничего плохого не случится.

– Хочешь пойти со мной куда-нибудь в пятницу вечером?

– Куда пойти с тобой? – спросила я.

– На свидание. Мы можем пойти туда, куда захочешь ты.

Я не могла поверить, что он все еще хочет, чтобы его видели со мной, не говоря уже о том, чтобы взять меня куда-то добровольно. Джейк никогда не приглашал меня куда-либо пойти с ним, и еда, которой Джонатан только что со мной поделился, была самым сложным блюдом, которое я когда-либо ела с представителем противоположного пола.

Это единственное, что у меня было, похожее на свидание.

– Зачем тебе это нужно?

Зачем вообще кому-то такое нужно? К тому времени мое унижение казалось почти материально ощутимым, и я тут же пожалела, что задала этот вопрос. Зачем приумножать собственную никчемность?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/treysi-garvis-greyvs/devushka-iz-ego-proshlogo>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)